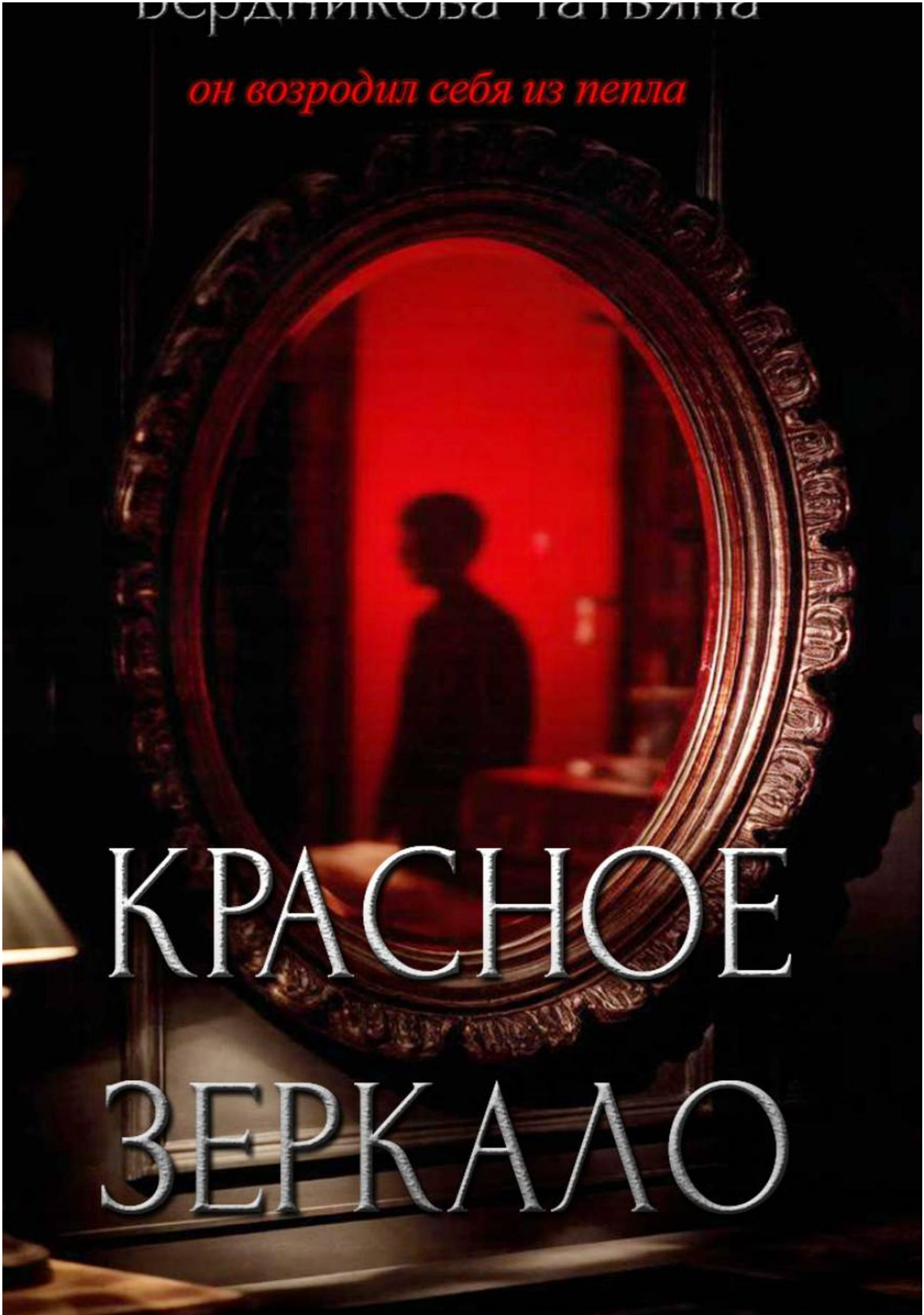
Бердникова Татьяна

он возродил себя из пепла

КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО

Татьяна Бердникова

Красное зеркало

«Автор»
2024

Бердникова Т. А.

Красное зеркало / Т. А. Бердникова — «Автор», 2024

Он – фигура в мотоциклетном шлеме. Он – окутанный тайнами и загадками неуловимый убийца. Его руку направляет месть, сжигающая его изнутри.Его противник – лучший сыщик с темным прошлым. Он не знает поражений, не привык сдаваться, он всегда идет до конца. Он способен отыскать иголку в стоге сена и распознать в простом человеке преступника.Но кто же этот преступник? Кто скрывается под шлемом? Кто убийца, кто Феникс?..Для оформления обложки использованы изображения из личного архива автора.

© Бердникова Т. А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Татьяна Бердникова
Красное зеркало

2022 г.

Перестрелка завязалась не на шутку.

Выстрелы грохали один за одним, от пистолетного дыма противно щипало в глазах, а тут еще негодяи подожгли что-то в глубине здания, бывшего их ставкой, и стало трудно еще и дышать. Сомнений не было – сделали они это, чтобы облегчить себе задачу, чтобы ускользнуть в пелене дыма, а может, и перестрелять всех полицейских, наконец добравшихся до них.

Молодой комиссар, совсем недавно получивший эту должность, старался вовсю, изо всех сил доказывая самому себе, что достоин своего гордого звания. Сдаться, спасовать позволить он себе не мог – за ним шли люди, которых он должен был вдохновлять своим примером и, даже если сейчас среди дыма они и не видели его, малодушничать он не мог.

Вот где-то впереди тенью мелькнул очередной бандит, и молодой человек уверенно вытянул руку с зажатым в ней пистолетом.

Спустить курок он не успел.

Грохнул выстрел – и руку пронзило болью, такой сильной, что не удалось даже сдержать крика. Комиссар отпрянул, прячась за какими-то железными бочками и, тяжело дыша, прижал руку к себе. Дьявол, как это не вовремя! Если подчиненные поймут, что он вышел из строя – пиши пропало, они спасуют сами, и тогда вся операция насмарку!

Надо что-то сделать, как-то подбодрить их… Может, крикнуть, призывая не сдаваться?

Он открыл, было, рот, но не успел издать ни единого звука.

Где-то за спиной послышались тяжелые шаги и из сгущающегося дыма вынырнула фигура крепкого человека с сигаретой в зубах, и пистолетом в руке. Обнаружив сжавшегося за бочками полицейского, он довольно ухмыльнулся, поднимая оружие и указывая дулом точно на него.

– Ну че, мальчонка, – издевательски проворковал он, – Начинай молиться.

И опять он не успел. Не успел ничего сказать, не успел вспомнить ни единого слова из хоть какой-нибудь молитвы – он не успел сделать вообще ничего.

Бандит перед ним неожиданно глухо ухнул и, нелепо взмахнув пистолетом, кулем повалился на землю. Из-за спины его выступила высокая фигура, затянутая в кожу, с мотоциклетным шлемом на голове. Руки в кожаных же перчатках уверенно сжимали толстый металлический прут.

Комиссар сглотнул и, с трудом кивнув, хрипло выдавил:

– Спасибо.

Прут с тихим звоном упал к его ногам. Незнакомец явственно снимал с себя лавры победителя, передавая их полицейскому.

– Будешь мне должен, – бросил он приглушенным из-за шлема голосом, – И не забудь об этом, когда я прибуду в твой город.

***

– Что?! – комиссар вскочил, едва не опрокидывая стол, – Кто???

– Курт Рейнвальд, – помощник удивленно пожал плечами: реакции шефа он не понимал. Конечно, мистер или, точнее, герр Рейнвальд был известным человеком, о нем не слышал только глухой, но чего же так пугаться? Радоваться надо – этот сыщик лучший из лучших, он

иголку в стоге сена найдет, что уж говорить о каком-то убийце! Пусть даже и таком активном, как тот, что завелся в их маленьком городке.

Комиссар упал обратно на стул и запустил руку в волосы, другой закрывая лицо. Конечно, он прекрасно знал, о ком идет речь. Курт Рейнвальд слыл действительно самым умелым, самым лучшим сыщиком – именно сыщиком, не следователем, ибо на силовые структуры он никогда не работал, выступая лишь в качестве частного консультанта, – и на самом деле мог найти кого угодно и где угодно. Такова была одна сторона медали.

Вторая же заключалась в том, что Курт – человек совершенно невыносимый, обладающий самым, что ни на есть, мерзким характером и, что еще хуже: начисто лишенный сострадания. Он мог, не задумываясь, отправить на смерть тех, с кем вместе работал, просто чтобы проверить какую-нибудь свою теорию, мог подставить под удар любого во имя достижения цели. Для этого человека не было преград, он сносил их с упорством носорога, для него не существовало запретов – он плевал на них, глядя в глаза запрещающему. Для него не было авторитетов, не было святых, не было любимых или друзей, для него не существовали человеческие понятия чести и морали. Он был почти роботом, биологической машиной – ему давали задание, и он выполнял его. Выполнял всегда, любой ценой, не щадя ни своей, ни чужой жизни.

Одно время вышестоящее начальство охотно привлекало Рейнвальда к расследованию особо запутанных дел, но потом, подсчитав потери, неизбежно сопряженные с его помощью, зареклось делать это. Сыщика стали обходить стороной, он занялся частной практикой и, разумеется, и здесь стал лучшим из лучших, нередко обставляя даже полицию…

И вот теперь его почему-то решили прислать им на подмогу.

Спора нет – ситуация в городе сложилась почти критическая, людей убивают если не пачками, то, по крайней мере, регулярными единицами: едва ли не каждый день образуется новый труп. Сейчас их набралось уже пятеро, а что будет дальше?

Убийца ускользает с невероятной, невыносимой ловкостью, ухитряется оставаться незаметным для всех и, скорее всего, прячется где-то на виду… Хотя это лишь одна из множества гипотез.

Убийцу необходимо схватить, бесчинство смерти необходимо прекратить… но Курт Рейнвальд???

– С его появлением трупов станет еще больше… – простонал комиссар, не поднимая головы.

– Смотри, не сглазь, сынок, – ответил ему чей-то незнакомый, хриплый голос.

Комиссар вздрогнул и, не решаясь сразу увидеть нового собеседника, осторожно убрал руку от лица, глядя на пол перед своим столом.

Мыски тяжелых армейских сапог… Свободные штаны цвета хаки, заправленные в них… а что такое красное выше?

Молодой человек сглотнул, и осторожно поднял голову.

Он стоял прямо перед ним – Курт Рейнвальд, лучший из лучших, и опаснейший из лучших, стоял, кривовато улыбаясь и сжимая в зубах дымящуюся сигарету. Он действительно был одет в красное – в бордовую рубашку с расстегнутым воротом, абсолютно не гармонирующую ни со штанами цвета хаки, ни с тяжелыми сапогами.

Он был широкоплеч, силен и внушителен, довольно высок и ощутимо крепок. И не менее ощутимо нагл.

Комиссар тихонько вздохнул, продолжая осмотр.

Лучший из лучших сыщиков обладал весьма незаурядной внешностью, больше соответствующей какому-нибудь гангстеру с Дикого Запада – тяжелая челюсть, высокие скулы, глубоко посаженные глаза под густыми бровями и нос с горбинкой, – а вот прическу носил совершенно идиотскую. Темные волосы его были стрижены под короткий ежик, но на затылке

отпущены и заплетены в тонкую косичку, перехваченную черной лентой и более всего напоминающую крысиный хвостик.

На правом запястье у сыщика были тяжелые, очевидно дорогие, часы. Левое украшал тонкой кожаной полоской браслет.

В зубах была сигарета.

Ощутив запах дыма, комиссар недовольно дернул носом и, не зная, как еще приветствовать герра Курта Рейнвальда, брякнул:

– В участке запрещено курить.

Курт неспешно поднял руку, сжимая сигарету пальцами, крепко затянулся и, выдохнув дым в сторону собеседника, коротко известил:

– Не мне.

После чего, не давая комиссару толком опомниться, продолжил:

– Ознакомь с материалами, сынок. Я не привык терять время.

Комиссар поморщился – такой подход к делу ему совершенно не нравился. Хотя бы уже потому, что граничил с хамством.

– А мое имя вы узнать не хотите?

– Да мне оно известно, – последовал легкий ответ, – Направляясь сюда, я заранее выяснил, с кем предстоит работать. Тем более, что на табличке у тебя на столе значится: «Франц Варжик». Или это не твое имя?

Франц, мрачнея все больше, угрюмо кивнул.

– Мое. Кто вас сюда направил?

– Сам пришел! – рассмеялся Курт и, вновь крепко затянувшись, отвел руку с сигаретой в сторону, – Если ты всегда так ведешь дела, я не удивляюсь, что ты не схватил его.

Комиссар раздраженно скрестил руки на груди – выпады собеседника ему не нравились, и сносить его хамство он намерен не был.

– Это почему?

– Много болтаешь, – невозмутимо отозвался Рейнвальд и, зажав сигарету в зубах, приказным тоном процедил, – Материалы.

Франц, чувствуя, что сдает позиции, раздраженно передернул плечами и резким движением открыв одну из лежащих на столе папок, повернул ее к собеседнику.

…Материалы Курт Рейнвальд просмотрел довольно бегло, но, судя по всему, главное из них почерпнуть успел.

– Стало быть, наш убийца – оригинал, – усмехнулся он, чиркая зажигалкой и поджигая уже вторую сигарету, – Не ограничивается одним способом – и душит, и стреляет, и режет…

Комиссар согласно опустил подбородок и, пролистав несколько страниц дела, открыл нужную.

– Вот эту жертву он ухитрился заставить проглотить яд. Никогда такого не видел, этот парень…

Рука с зажатой между пальцами сигаретой взмыла в воздух в останавливающем жесте.

– Почему ты думаешь, что это парень, сынок?

Франц откровенно растерялся – таких заявлений от матерого сыщика он не ждал, и полагал собственные выводы более, чем логичными.

– Потому что, чтобы задушить человека нужна большая сила, – он пожал плечами, – Как и для того, чтобы заставить его проглотить отраву. Это явно дело рук мужчины, женщины слабы…

Рейнвальд, усмехаясь, погрозил ему пальцем, и вновь взял сигарету в зубы.

– Не недооценивай женщин, сынок, ни к чему это. Встречались мне среди них экземпляры, запросто могущие пару мужиков уделать… Личность убийцы пока под вопросом, как и его половая принадлежность, не вешай на меня свои выводы. Я предпочитаю плясать от печки.

Варжик чуть поморщился и согласно кивнул. Желания спорить с упертым и неприятным «коллегой» не было ни малейшего и, если уж ему так хочется плясать от печки – пусть пляшет. Он ведь лучший, и так далее, может, что и вытанцует.

Курт, попыхивая сигаретой, снова взял пухлую папку с материалами о нескольких убийствах, и принялся ее скрупулезно изучать. Франц ждал, бездумно перебирая скрепки, в беспорядке валяющиеся на столе.

– Ты поляк, сынок?

Неожиданный вопрос заставил молодого человека вздрогнуть, и удивленно поднять взгляд на собеседника. Каким боком его национальность относится к делу, он не понимал.

– Наполовину, – ответить он, тем не менее, не преминул, – Отец эмигрант, мама местная. А что?

Рейнвальд равнодушно пожал плечами, опять опуская взгляд на папку.

– Фамилия у тебя интересная, – буркнул он, – И ведешь себя странновато. Как только тебя комиссаром-то поставили, сынок…

Франц вспыхнул. Он был действительно еще довольно молод, очень порывист, горяч, но от этого ничуть не менее смел и внимателен, ничуть не менее умен и старателен, чем любой из его старших коллег. И уж тем более, чем этот хам, мнящий о себе неизвестно что! Приперся на все готовенькое, а теперь права качает, что все не так сделано – конечно, так проще всего! А попробовал бы сам побегать по местам преступления, посмотрел бы каждый день на новый труп – небось, по-другому бы запел!

– Одно дело теория… – не выдержав, начал, было, молодой человек, но оказался прерван неожиданным скрипом двери.

В кабинет, неловко переставляя ноги, протопал сутулый парень с глуповатой улыбкой на простецком лице, со светлыми, взъерошенными волосами и располагающими голубыми глазами. Он зашел и, остановившись, окинул долгим взглядом двух людей, находящихся здесь, будто выбирая, к кому обратиться. Потом поковырял в носу и, шмыгнув им, вытер руку о грязноватую футболку.

– А мне Штеффи сказала, вы тут всех расспрашиваете, что да как было, – он кивнул в такт своим словам и принялся неловко теребить волосы за ухом, – А вы заняты, да? Ну, тогда я позже приду, комиссар.

Франц вздохнул и, заставляя себя улыбнуться, одновременно душа все еще бушующий в душе гнев, приветливо поманил парня рукой.

– Ничего страшного, Дамиан, иди сюда. Ты что-то видел вчера?

Дамиан мотнул головой и страдальчески нахмурился, явственно пытаясь сообразить, как ответить на вопрос и, по-видимому, стесняясь чужого присутствия. Курт Рейнвальд наблюдал за ним с интересом голодного волка, и парню под этим взглядом было явно не по себе.

– Нет, я только слышал, как мотоцикл уехал, – он опять кивнул и, почесав ухо, пожал плечами, – Штеффи сказала, вам надо знать все, что тут было, вот я и пришел. А кто этот человек с крысиным хвостиком?

Франц едва не прыснул. Дамиан попал в точку – герра Рейнвальда нельзя было бы характеризовать лучше и, судя по всему, самого Курта это высказывание изрядно задело. Он тяжело поднялся со стула, на котором восседал и, бросив перед кусающим губы комиссаром на стол папку с материалами дела, выразительно кашлянул.

– Курт Рейнвальд, – голос сыщика был холоден, как лед, но на парня впечатления явно не произвел, вызывая лишь наивное недоумение, – Сыщик, расследую дело об убийствах, что произошли в этом городе. Вы местный, юноша?

Дамиан закивал, как китайский болванчик и, стиснув руки, принялся ломать пальцы.

– Я несколько лет назад приехал, живу тут давно уже. Я – грузчик! – в его голосе зазвучали нотки неоправданной гордости, – Как к Штеффи товары привозят, так я их помогаю вытащить и на место поставить. А почему у вас крысиный хвостик на затылке?

Сыщик скрипнул зубами, доставляя этим Францу Варжику ни с чем не сравнимое наслаждение, и заставил себя улыбнуться.

– Потому что мне нравится такая прическа. Ты вот лохматый, как я вижу, почему?

Дамиан откровенно обрадовался.

– А это потому, что я волосы все время тереблю, вот так! – он тотчас же принялся теребить волосы, потом демонстративно повозил рукой по голове, взъерошивая их и тотчас же озадачился, – А вы что, тоже так делаете, а потом делаете крысиный хвостик?

– Нет, – терпение Рейнвальда уже определенно заканчивалось, однако он все еще тщился его сохранить, – Значит, после вчерашнего убийства ты слышал, как уехал мотоцикл?

Парень согласно кивнул и, почесав нос, пожал плечами.

– Штеффи сказала, это важно. Ей Сирена передавала, что комиссар тут всем вопросы задает, вот я и пришел, рассказать, что слышал. А что, это неважно?

Франц, приходя бедолаге на помощь, поднялся из-за стола и подарил ему еще одну располагающую улыбку.

– Важно, важно, Дамиан, не бойся. Герр Рейнвальд просто недавно прибыл, он ничего здесь не знает, вот и спрашивает.

– Спрашиваю, – согласился Курт и неожиданно резко бросил, обращаясь, похоже, сразу к обоим своим собеседникам, – Кто такая Штеффи?

Дамиан растерянно заморгал, переводя взгляд с комиссара на его коллегу и, видимо, не зная, кому отвечать. Варжик махнул ему рукой.

– Иди, Дамиан, на остальные вопросы герра Рейнвальда я отвечу сам. Иди и, знаешь… позови ко мне Штеффи. Если она отправляет тебя ко мне, и считает, что тебе есть, что мне рассказать, может, и ей есть, что поведать?

Дамиан торопливо закивал, пятясь к двери.

– Ладно, комиссар, я скажу! Но Штеффи добрая, она меня всегда угощает булочками, когда я разгружаю ей товары, она ничего плохого не делала!

– Я не думаю, что она сделала что-то плохое, – Франц быстро улыбнулся, взглядом указывая собеседнику на дверь, – Иди, иди, Дамиан. Нам с господином сыщиком нужно побеседовать.

Парень еще раз кивнул и, поспешно топая, покинул оказавшийся сегодня неприветливым кабинет.

Рейнвальд рывком повернулся к комиссару; косичка его от резкого движения взметнулась в воздух.

– Что это за придурок?! – голос лучшего сыщика напоминал шипение: чувствовалось, что он взбешен.

Варжик равнодушно махнул рукой, усаживаясь обратно на свое место.

– Да так, грузчик местный. У него это, с кукушкой не фонтан, на самом деле. Так что вы бы с ним помягче в следующий раз.

Курт выдавил из себя улыбку и, лишь сейчас обнаружив, что сигарета за время разговора потухла, а он даже не обратил на это внимания, яростно щелкнул зажигалкой.

– Буду вам весьма признателен, молодой человек, если вы в беседе со мной будете выражаться нормальным человеческим языком, – ядовито процедил он, с наслаждением затягиваясь, – И на вашем месте я бы не был столь приветлив с подозреваемыми!

Франц не выдержал, и расхохотался. Такого глупого предположения от этого человека он все-таки не ждал.

– Дамиан? – отсмеявшись, переспросил он, – Да вы что, шутите, что ли? Этот парень и мухи не обидит, он при виде крови недавно едва в обморок не упал! Нет, Дамиан безобиден, да и соображает он едва-едва. Хорошо еще, что ему сил хватает грузчиком работать, Штеффи молодец, что работу парню дала, иначе бы вообще неизвестно, как бы жил. Он итак, бывает, в магазине норовит отдать все деньги, что у него с собой – не соображает парень. Хорошо, что здесь его все знают, жалеют, ни разу никто обмануть не пытался. Знаете, о таких говорят – блаженный.

Рейнвальд, постепенно остывая, вновь затянулся и, запрокинув голову, задумчиво выдохнул дым в потолок. Судя по всему, новую информацию к сведению он принял.

– А Штеффи?

Комиссар равнодушно пожал плечами.

– Владелица кондитерской здесь неподалеку. Вполне милая молодая женщина, не замужем, добрая, отзывчивая… Мне кажется, она немного влюблена в Дамиана, но он этого не замечает, а она стесняется своей симпатии к дурачку.

– Любопытно, – пробормотал себе под нос сыщик, и неожиданно сменил тему, – Скажика мне, сынок, известно ли тебе, кто из обитателей этого городка прибыл сюда недавно?

Франц тяжело вздохнул – эту версию он уже успел проработать.

– Да все они сюда прибыли недавно, – безрадостно отозвался он, – Городок-то всего лет пять, как отстроен, люди только-только населять его начали. Дети, если и родились тут, вырасти еще не успели, так что… – он развел руки в стороны, – Либо убийца – кто-то из местных, либо он приезжает сюда на мотоцикле.

***

Изучение материалов затянулось почти до самой ночи – Курт Рейнвальд оказался весьма дотошным человеком, и каждую мельчайшую деталь, каждую подробность, обсасывал долго и тщательно. Франц уже откровенно зевал, изо всех сил отгоняя от себя сон, а новоявленный коллега, попыхивая сигаретой, все продолжал копаться в бумагах.

От дыма в кабинете было нечем дышать, комиссар чихал и кашлял, разгоняя смог рукой, но сыщика это, по-видимому, не особенно волновало.

– Ну, ладно, сынок, – когда время подошло к одиннадцати, Курт, наконец, смилостивился, – Завтра приду с утра, продолжим на свежую голову. Не люблю говорить с собеседником, который практически спит на столе.

Франц, действительно в очередной раз начавший сползать на столешницу, встряхнулся и, хмурясь, мотнул головой.

– Просто уже поздно, а я устал.

Рейнвальд равнодушно пожал плечами и слегка тряхнул своей косичкой, «крысиным хвостиком», как емко характеризовал ее Дамиан.

– Смотри, поосторожнее по пути домой. Убийца наш наверняка знает, что мы идем по следу, может и против тебя ополчиться. Ну, да ладно, сынок, до завтра. Я уже тоже притомился.

Варжик открыл рот, чтобы вежливо поблагодарить за заботу и попрощаться, но не успел – «уставший» сыщик из кабинета выскочил с невероятной скоростью, не давая собеседнику даже шанса на ответ.

Молодой человек раздраженно захлопнул папку и, собрав вещи, спокойно вышел на темную улицу, направляясь домой. В том, что убийца не тронет его, он был уверен, поэтому страха не испытывал.

…Он настиг его у самой двери дома. Бесшумно подошел со спины и легко коснулся плеча, заставляя обреченно вздохнуть и покачать головой.

Франц отпер дверь.

– Заходи, – буркнул он и, совершенно не показывая, да и не испытывая страха, сам вошел первым. Убийца последовал за ним, остановился в прихожей и скрупулезно запер дверь. Потом скрестил руки на груди.

– В городе новая ищейка? – голос его звучал привычно приглушенно, что молодого человека совершенно не удивило. Он оглянулся через плечо, бросил взгляд на знакомый мотоциклетный шлем с затененным стеклом, чтобы скрыть глаза, и усмехнулся.

– А ты уже знаешь. Хорошие же у тебя осведомители.

– Мне не нужны осведомители, – коротко отозвался старый знакомый и, шагнув вперед, оттер комиссара плечом, проходя в комнату и устраиваясь в кресле. Шлем снять он даже не подумал – лицо его оставалось тайной даже для Франца.

– Что ты о нем знаешь?

Варжик пожал плечами и, разувшись, прошел следом за собеседником, присаживаясь на диван.

– Курт Рейнвальд. Лучший из лучших, и ужасно противный человек. Ты не представляешь, как отвратительно было общаться с ним, как он достал меня своими вопросами!

Собеседник закинул ногу на ногу, вольготно располагая руки по подлокотникам.

– Я о нем слышал. Полагаю, завтра он продолжит свои расспросы, будь готов.

Франц склонил голову набок.

– Если сегодня ты никого не убьешь, тем для расспросов у него будет меньше.

Мотоциклист сделал неопределенный, витиеватый жест левой рукой.

– Посмотрим.

Комиссар тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку дивана, запрокинул голову, прижимаясь к ней затылком. Он устал, безмерно устал метаться между двух огней, один из которых сегодня усилился, подогретый пламенем Рейнвальда, и с отчаянием сознавал, что прекратить это в ближайшее время не сможет.

– Я даже имени твоего не знаю… – задумчиво вымолвил он, не глядя на собеседника. Тот легко пожал обтянутыми кожаной курткой плечами.

– Зови меня Феникс.

Франц хмыкнул – имечко убийца выдумал себе броское, но нельзя было отрицать, что ему оно подходит. Что-то было в нем, что-то такое, что заставляло вспоминать одновременно о пламени и пепле, о свободе небес и о клетке плоти. А уж после того, как он однажды видел его поездку на мотоцикле… Да, парень и вправду летал, как птица.

– Я не смогу вечно прикрывать тебя, Феникс, – молодой человек вновь подался вперед и, сцепив руки в замок, внимательно вгляделся в непроницаемо-черное стекло шлема, – Сегодня я итак едва не проговорился – назвал тебя парнем. Рейнвальд тотчас же уцепился, спросил, почему я так уверен, что убийца – не женщина.

Феникс приглушенно рассмеялся и, упершись двумя пальцами в шлем, склонил голову набок.

– И что ты?

– А что я? – Франц развел руки в стороны, – Отвертелся, сказал, что убийства совершены с явно мужской силой. Он счел меня дилетантом, но подозревать, кажется, не стал… Да, еще приходил Дамиан – ну, ты знаешь, местный дурачок, – он сказал, что слышал рев мотоцикла. За это Рейнвальд тоже может ухватиться, ты бы поосторожнее…

Собеседник равнодушно махнул свободной рукой, другой продолжая упираться в шлем.

– Дурак ничего ему не скажет, он ничего не видел. Да и мотоцикла моего ему не найти, если, конечно, не обыщет твой сарай.

Варжик тяжело вздохнул. Разрешая прятать мотоцикл в своем сарае он, конечно, сознавал, что подставляется, но, признаться, не думал, что настолько.

– Феникс, – в голосе его зазвучали увещевающие нотки, – Послушай… Ты спас мне жизнь тогда, я благодарен тебе за это. Но прошу тебя – хватит убивать! Рано или поздно Курт выйдет на тебя, схватит, а вместе с тобой и меня…

– Ты останешься в стороне, об этом можешь не беспокоиться, – Феникс одним легким движением поднялся на ноги, – Спасибо, Франц, я узнал сегодня все, что нужно. Не стану просить тебя мешать Рейнвальду – он человек умный, может заметить и тогда ты действительно подставишься. Но…

– Выдавать тебя я ему не собираюсь, – комиссар, хмурясь, тоже встал с дивана, – Я умею быть благодарным, тем более, что перед тобой я в неоплатном долгу. Тот громила убил бы меня, если бы не ты.

Шлем склонился в легком кивке. Голос Феникса зазвучал еще глуше, чем прежде.

– Может быть. Что ж, мне пора идти, дела не ждут.

Франц на секунду сжал губы.

– Опять задумал кого-то убить?

По комнате пронесся приглушенный смешок – Феникс, при всей своей загадочной мрачности и таинственности был, судя по всему, довольно смешливым парнем.

– Как знать, – легко отозвался он, и уже направился, было, к двери, когда собеседник окликнул его.

– Феникс! – заметив, что гость остановился, он на миг замялся, – Скажи… почему ты не хочешь показать лицо даже мне? Я ведь не выдам, ты знаешь.

Мотоциклист медленно повернулся к собеседнику всем корпусом, и на несколько мгновений замер, видимо, вглядываясь в него.

– Потому что не хочу взваливать на твою совесть еще более тяжкий груз, – наконец, негромко отозвался он, – Будет лучше, если ты действительно ничего не будешь обо мне знать, комиссар.

***

Курт Рейнвальд всегда был вооружен. Без пистолета за поясом он казался самому себе не то, что голым – скорее, неполноценным, и ощущение это удовольствия ему не доставляло. Пистолет он носил без кобуры и, демонстрируя чудеса безрассудства, частенько забывал ставить его на предохранитель, равнодушно затыкая за пояс военных штанов. К чести его, стоит заметить, что неосторожность всегда оставалась безнаказанной – ранен мужчина ни разу не был. По крайней мере, из своего пистолета.

Этим вечером, посоветовав Францу Варжику проявлять осторожность, сыщик и сам предпочел не пренебрегать своим советом. Всю дорогу до отеля, где обосновался на время расследования, он держал палец на курке спрятанного в кармане штанов пистолета, всю дорогу присматривался, приглядывался к каждой тени, к каждому кусту и столбу. Это, конечно, походило на паранойю, но выбора не было – стать жертвой какого-то захудалого маньяка из третьесортного городишки Курту не хотелось.

Он шел поступью тигра, медленно, плавно вышагивал, чуть пружиня на каждом шаге, полностью готовый отражать атаку, и не сомневался в правильности своих действий.

Наверняка о его прибытии уже знает весь город. Наверняка этот блаженный дурачок растрепал своей подружке-торговке о «господине с крысиным хвостиком», а та, конечно, разболтает покупателям.

Курт знал такие городки, представлял себе менталитет местного населения – все друг с другом знакомы, и ни у кого ни от кого нет секретов. И при этом у каждого за душой имеется какая-нибудь грязненькая тайна, а то и не одна, которую он непременно должен будет вытащить наружу.

Вот, например, этот Дамиан. Дурак-дураком, на такого ни за что не подумаешь, но вдруг его бестолковость – не более, чем актерская игра?

Курт поморщился и, мотнув головой, быстро огляделся по сторонам. Нет, ни один актер не додумается до таких абсурдных заявлений, не будет так по-идиотски елозить ладонью по голове – дурак, вне всякого сомнения, настоящий. Вопрос в другом – что он мог случайно увидеть, на что мог не обратить внимания, что могло бы помочь следствию? Надо бы потолковать с идиотом по душам при случае… и, может быть, без участия Франца Варжика.

Сыщик поморщился и, нырнув в подворотню, в несколько быстрых шагов вышел к отелю.

Вот еще тоже наказание – недавно назначенный, совсем молодой комиссар, мальчишка, с какой-то радости занимающийся таким серьезным делом. И ведь еще имеет наглость спрашивать, кто направил сюда его, Рейнвальда, лучшего из лучших, черт побери!

«Да он мне пятки лизать должен!» – раздраженно подумал Курт и, дернув входную дверь, зашел в холл отеля. Быстрым кивком поздоровался с администратором за стойкой и, не задерживаясь, проследовал к себе в номер.

Ему хотелось спать. Говоря Варжику, что устал, мужчина не солгал – путь до городка был довольно труден, а прибыв, он сразу же побежал в участок, выяснить подробности громкого дела, да и засиделся там допоздна. Теперь, чтобы получить возможность мыслить здраво и твердо, чтобы прийти хоть к какому-то однозначному, а еще лучше – верному выводу, следовало дать мозгу отдохнуть. И лучшим способом для этого был, безусловно, сон, но чтобы он был полноценным, следовало обеспечить собственную безопасность.

Он тщательно запер дверь, проверил окна и, убедившись, что в открытую форточку человеку не влезть, а сквозь задернутую штору обитателя номера не рассмотреть, приступил к осмотру шкафа и проверке всех возможных углов. Заглянув под кровать и удостоверившись, что там, как и в шкафу, как и в ванной комнате, как и за столом и тумбочкой никто не затаился, Рейнвальд немного успокоился и позволил себе положить пистолет на стол, затем принимаясь расстегивать рубашку. Что ж, пожалуй, можно было надеяться, что в его номер на третьем этаже никакой злоумышленник не заберется, а значит, ночь можно провести спокойно.

Он разделся, почистил зубы и, предпочитая пренебречь вечерним душем, оставляя сие удовольствие до завтрашнего утра, завалился в кровать, наощупь ища выключатель прикроватного светильника.

Сон навалился на него сразу же, стоило голове ощутить мягкость подушки, и лучший сыщик, едва успев погасить свет, благополучно отбыл в страну Морфея.

…За ночь он не проснулся ни разу, спал как убитый и сон его не был никем потревожен. Утром, пробудившись по привычке достаточно рано, Курт довольно потянулся и, мысленно поздравив себя с тем, что по сию пору жив, без излишних раздумий сел на кровати.

Потом поднялся, сходил в душ, побрился, почистил зубы – обычная утренняя рутина, не оставляющая по себе никаких особенных впечатлений.

Ощутив голод, он решил перекусить по дороге в участок в каком-нибудь кафе или, чем черт не шутит, заглянуть к этой пресловутой Штеффи и отведать булочек, которые так нахваливал вчера дурак Дамиан. В номер еду заказывать не хотелось.

Рейнвальд встряхнулся и принялся одеваться – штаны, потом носки и ботинки, рубашка… Последней деталью наряда был пистолет, без которого остаться сыщик позволить себе не мог. Он спокойно протянул руку, дабы взять оружие со стола… и внезапно отдернул ее, чертыхнувшись не столько испуганно, сколько раздраженно.

На столе, рядом с пистолетом, лежал осколок зеркала, перемазанный высохшей кровью. В том, что вчера вечером его не было, Курт был уверен – не настолько же он был сонным, чтобы не заметить такую вещь! Значит, его положили сюда ночью… Значит, кто-то все-таки сумел проникнуть в его номер, причем так, что остался совершенно не замечен им самим, лучшим сыщиком! Дьявольщина…

Мужчина осторожно коснулся острого осколка пальцами и, стараясь не порезаться, поднял его, поднося ближе к глазам.

Испорченное настроение упало еще на несколько пунктов.

На высохшей крови, вычерченный чем-то острым, виднелся четкий, красивый рисунок – птица с большими крыльями, по которым плясало пламя.

Курт скрипнул зубами и, не в силах сдержаться, швырнул осколок обратно на стол. С губ его сорвалось яростное шипение, одно единственное слово, тот самый вывод, который ему надлежало сделать на свежую голову:

– Феникс!

***

Штеффи оказалась миловидной миниатюрной девушкой с длинным хвостом светлых волос и ясными голубыми глазами, напоминающими два озера. Рейнвальду она сразу понравилась, и мысль о том, что этот ангелок благоволит какому-то дураку, показалась ему почти оскорбительной.

– Доброе утро! – голосок ее звенел, как колокольчик, а улыбка могла растопить даже самое холодное сердце.

К Курту это, впрочем, не относилось – под слоем льда сердце его было сделано из мрамора, а камень растопить отнюдь не так просто, как лед. То, что девушка показалась ему привлекательной, отнюдь не означало, что мужчина готов сразу и безоговорочно поверить ей. Скорее наоборот – излишняя обворожительность всегда казалась сыщику подозрительной, вот и на сей раз первым его чувством после невольного восхищения стало подозрение.

– Доброе, – хорошо поставленным, спокойным голосом отозвался он и, отбросив тонкую косичку назад, почти демонстративно взъерошил волосы на макушке, – А вы кофе продаете?

Штеффи, почуяв клиента, расцвела еще больше.

– Конечно-конечно, у нас есть все для полноценного завтрака! Что желаете к кофе?

Рейнвальд отметил про себя, что выбрать вид кофе ему не предложили и, сделав вывод, что забегаловка не так уж богата, растянул губы в улыбке.

– Да вот, хотя бы… – он ткнул пальцем в первую попавшуюся булку, и пожал плечами, – Вообще я привык по утрам есть бутерброды.

Девушка на мгновение растерялась, но тотчас же вновь заулыбалась.

– У нас есть пирожки с ветчиной и сыром, хотите? Это почти как бутерброд, только еще вкуснее! Вам с собой или тут будете кушать?

Курт окинул тоскливым взглядом маленькое помещение с парой высоких столиков, за которыми предстояло кушать стоя и отрицательно покачал головой.

– Лучше на улице поем, на какой-нибудь скамейке. Вы – Штеффи, верно?

Собеседница вновь растерялась и удивленно захлопала своими огромными голубыми глазищами. Рейнвальд подумал, что она заранее создает себе амплуа непорочной невинности.

– Да… – она внезапно повеселела, – Впрочем, меня в городе все знают! Всем известно, что самые вкусные завтраки – у Штеффи!

«То-то я смотрю, здесь так пусто», – мысленно усмехнулся мужчина и, пытаясь сохранить на лице приветливое выражение, согласно кивнул.

– Не сомневаюсь в этом. Скажите мне, Штеффи, почему вы вчера отправили дурачка Дамиана в полицейский участок с какой-то невнятной информацией?

Девушка испугалась так, что Курт мигом перенес ее в разряд особо подозрительных личностей.

– Я… я… откуда вы знаете?.. – она побледнела; розовые губки ее задрожали, – Вы… вы из полиции?? – последнее прозвучало с откровенным ужасом.

Сыщик, не вдаваясь в подробности, согласно опустил подбородок.

– Курт Рейнвальд, к вашим услугам. Итак, я жду ответа на вопрос.

Штеффи нервным движением поставила на стойку стаканчик с заказанным кофе, пару минут назад нацеженным из кофе-машины, и шумно сглотнула.

– Вы меня простите, если он помешал вам… – дрожащим голоском пролепетала она, – Я вовсе не хотела… Дамиан – он такой послушный, что ему скажешь, то и сделает, но я не думала, что он пойдет сразу же! П-понимаете, он когда рассказал мне, что слышал звук мотора мотоцикла, я сразу подумала, что это должно быть очень важно для расследования! У нас тут убийства чуть не каждый день случаются, страшно, очень хочется, чтобы скорее схватили этого мерзавца… – она нервно облизала губы и прижала руки к груди, – Я и подумала, что если чем-то мы с Дамианом можем помочь, значит, надо помочь…

Курт помолчал, сверля подозреваемую взглядом и мысленно выделяя некоторые интересные факты в ее словах. Значит, дурачок еще и очень послушный. Поня-ятно. Интересно, распространяется ли его послушание на убийство человека? Сам-то Дамиан, судя по всему, вообще не особенно соображает, где хорошо, а где плохо, а таким легко управлять. Тем более такой доброй, милой, очаровательной девушке, что всегда угощает его булочками.

И еще кое-что. Она сказала «мерзавец», значит ли это, что точно убеждена в половой принадлежности убийцы? Или же просто к слову…

Мужчина недовольно мотнул головой. Нет, все-таки он слишком подозрителен, надо сперва набрать фактов, а потом делать выводы.

– А сами вы слышали или видели что-нибудь? – он склонил голову набок, и зачем-то перекинул косичку через плечо на грудь. Подумал с секунду и вновь отбросил ее назад.

Штеффи отчаянно замотала головой, продолжая прижимать к груди руки.

– Ни… ничего, я клянусь вам, сэр, я совсем ничего не видела, и не слышала! Ой, я как представлю, если бы я вдруг что-то… – девушка посерела, – Да я бы, наверное, умерла от ужаса! А Дамиан – он, знаете, такой… немного бесчувственный, он спокойно к этому относится. Когда он сказал, что слышал, как убийца уехал на мотоцикле, я испугалась и сразу сказала, что нужно сообщить в полицию! Вдруг вы не знали, что он на мотоцикле ездит?

– И чем же мотоцикл может быть нам важен, по-вашему? – отстраненно поинтересовался сыщик, в раздумье созерцая стаканчик с остывающим кофе. В голове его опять роились подозрения и сомнения, порожденные речами милой девушки.

– Ну, как же! – Штеффи изумленно всплеснула руками, – У нас в городе мотоциклов мало, раз-два и обчелся, значит, тот, у кого есть мотоцикл – и есть преступник! – на лице ее на миг отразилось выражение крайнего самодовольства, – Вот поэтому я и сказала Дамиану, а он…

– Это я уже слышал, – прервал ее Курт и, сунув руку в карман, вытащил наугад несколько купюр, бросая их затем на стойку, – Вы обещали мне пирожок.

– Ой, да-да-да, – девушка мигом засуетилась, явно несказанно обрадованная окончанием допроса, – Ой, у вас и кофе-то остыл, наверное, давайте новый налью?

Рейнвальд равнодушно кивнул. Завтракать ему совершенно расхотелось, про пирожок он вспомнил исключительно для того, чтобы завершить беседу и оставить по себе у подозреваемой самое приятное мнение. Однако, мысли его сейчас занимал отнюдь не голод, какового он, к слову, и не испытывал. В голове, сознании его бился один-единственный вопрос – почему милая очаровашка Штеффи так старается навести полицию на след Дамиана?

…Пришедшего на работу точно в положенное время Франца Варжика сыщик встретил, сидя за его столом, закинув на него ноги в тяжелых армейских ботинках и расслабленно покуривая очередную сигарету. Суматоха, царящая вокруг кабинета, к нему, казалось, не имела никакого отношения, снующие туда-сюда люди не волновали и время «лучший из лучших» проводил исключительно в свое удовольствие.

Комиссар, который по пути к кабинету пару раз безуспешно пытался перехватить того или иного подчиненного, чтобы выяснить причину суматохи, остановившись в дверях, вопросительно приподнял брови.

– Что здесь творится?

Вообще, больше всего молодому человеку хотелось спросить, какого черта делает Курт Рейнвальд за его рабочим столом, да еще и в столь вызывающей позе, но природная сдержанность не позволила хамить прямо с порога.

Сыщик лениво поменял ноги местами и, затянувшись, выпустил в потолок струю сизого дыма.

– Убийство, – ледяным тоном отозвался он, – Еще одно. А вы, комиссар, я вижу, любитель поспать.

– Я пришел вовремя, – Франц выделил голосом последнее слово и, скинув куртку, привычно повесил ее на вешалку, – Это вам, судя по всему, не спится. Кто жертва?

Курт заинтересованно склонил голову набок.

– Вижу, вас совершенно не потрясла и не впечатлила моя новость. Что ж, на такой работе сердце черствеет, понимаю. И все-таки советовал бы тебе проявить больше сочувствия, сынок, – он внезапно вновь перешел на панибратский тон и, скинув ноги со стола, облокотился на него, продолжая удерживать в одной руке сигарету, – Скоро должны, я думаю, прийти родственники жертвы, нужно бы показать, как ты переживаешь. Если ты будешь вот так же холоден… – Рейнвальд презрительно махнул рукой и, перекинув через плечо косичку, тотчас же откинул ее обратно на спину, – Да, к слову. Я знаю, кто наш убийца.

Франц не повел и бровью. Кто убийца, он тоже знал, но сильно сомневался, что его знание совпадает с догадками сыщика.

– И кто же?

Мужчина внимательно вгляделся в него и, выдерживая паузу, затянулся, затем выпуская дым маленьким колечком. Варжик, который никогда не курил, этого фокуса не одобрил и еле сдержался, чтобы не поморщиться.

– Феникс.

Удар был сильным. Брошенное как будто бы вскользь слово обрушилось на голову несчастного комиссара подобно цунами, и ему потребовалось все возможное мужество, чтобы скрыть реакцию, устоять на ногах и лишь удивленно моргнуть.

– Броское имечко. И кто же это?

Курт рассмеялся и отвел руку с сигаретой в сторону.

– Я не знаю. Но он оставил мне маленькое послание сегодня – вон, лежит на столе, можешь взглянуть. Ну, а я наслышан об этом подонке, уже доводилось мне охотиться на него.

– Я так понимаю, охота успехом не увенчалась, – Франц искренне понадеялся, что злорадства в его голосе слышно не было. Он подошел к столу, одарив неодобрительным взглядом узурпировавшего его нахала и, оглядев столешницу, безошибочно остановился на маленьком осколке красного стекла.

– Что это? – комиссар прищурился, пытаясь прочитать таинственное «послание», – Кусочек красного зеркала?

– Красного, – Рейнвальд затушил сигарету в откуда-то взявшейся на столе (видимо, специально принес, создавал себе удобства!) пепельнице, и кивнул, – Покрытого засохшей кровью, если приглядеться. А если всмотреться еще более пристально – ты увидишь и пташку, нацарапанную на нем. Феникса.

Варжик заинтересованно протянул руку, осторожно беря осколок и рассматривая его. Хм, действительно, птица с пляшущим по крыльям пламенем. Действительно, феникс… Кто бы мог подумать, что его друг умеет так здорово рисовать! Да и что он настолько безрассуден поверить трудно – с чего бы вдруг Фениксу так громко заявлять о себе?

– Отпечатки? – коротко спросил он, скрывая внутреннее беспокойство. А вдруг были, а вдруг нашел?.. Вдруг теперь выследит, схватит… Вдруг Феникс решит, что сдал его именно он, Франц?

– Отпечатков нет, – Курт достал зубами из пачки еще одну сигарету и, чиркнув зажигалкой, прикурил, – Я даже проверять не стал, я это знаю. Феникс отпечатков не оставляет, сынок, это я тебе могу сказать со стопроцентной точностью. Я его в свое время изучил хорошо.

– Да-да, вы же его ловили, – Франц неспешно положил осколок красного зеркала на стол и заинтересованно прищурился, – Так и что же вы выяснили об этом типе? Хотя бы знаете теперь – парень это или девушка?

Сыщик тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку рабочего кресла комиссара, опять перебросил свой крысиный хвостик вперед, затем отбрасывая его назад.

– Не уверен, сынок, не уверен. Я согласен с тобой – я тоже всегда думал о нем, как о парне. Но, может быть, это всегда было существо женского пола… Знаешь, девицы ведь тоже разные бывают! Пообщался я сегодня с этой вашей Штеффи.

Комиссар усмехнулся, понимающе опуская подбородок.

– Я так понимаю, впечатления девушка на вас не произвела.

– Почему же? – Курт приподнял уголок губ и, не мудрствуя лукаво, вновь забросил ноги в тяжелых армейских ботинках на стол, – Очень даже произвела. Благодаря ей у меня появился первый подозреваемый.

Варжик огляделся и, подвинув ближе к столу стул, на который обычно сажал собеседников, присел на него сам. Лицо его приняло насмешливо-снисходительное выражение.

– Дамиан? – почти издевательски осведомился он, – Несчастный дурак, боящийся крови и не отвечающий за свои действия?

Рейнвальд на шпильку не прореагировал, оставаясь столь же каменно-спокоен и, самую малость – самодоволен.

– Нет, – хладнокровно отозвался он, – Чем больше эта очаровашка пыталась перевести стрелки на него, тем больше я убеждался, что придурок здесь ни при чем. Ты, кажется, сказал, что он боится крови?

– Ну да, боится, – Франц недоуменно кивнул и, осененный внезапной догадкой, так и замер, недоверчиво вглядываясь в «лучшего из лучших», – Погодите, погодите… Вы что, хотите сказать, что подозреваете Штеффи в том, что она – Феникс?? Да вы с ума сошли! – он фыркнул, хлопая себя в негодовании по коленям, – Холера, да эта девчонка боится трупов, она как-то увидела одну из жертв – так я чуть не оглох от ее визга!

Курт чуть склонил голову набок, с любопытством вглядываясь в собеседника.

– Вот и польские словечки в ход пошли, – как бы между прочим заметил он, – С момента знакомства жду, когда ты прекратишь сдерживаться, сынок, – и, не обращая внимания на некоторое недовольство Варжика, продолжил, – А если тебе поверить, так полгорода боится кто крови, кто трупов, однако же у кого-то из них хватило смелости порешить всех этих людей. Причем, повторюсь – убить самыми разнообразными способами, значит, состояние аффекта тут отпадает начисто. Убийца планировал преступление, хладнокровно и расчетливо… И да, я полагаю, что женщины тоже на такое способны.

– Пся крев! – совсем распалился комиссар, вскакивая на ноги, – Да что вы прицепились к женщинам?! Признайтесь, Рейнвальд, вы женоненавистник? Или что-то знаете? Вы упорно пытаетесь подвести меня к мысли, что убийца – женщина, а между тем, я все еще уверен, что это парень: сужу по силе, с которой были совершены убийства. Кстати, не хотите посвятить меня в подробности последнего случая?

– А, – Курт, выслушавший нотацию с совершенно непроницаемым лицом, пренебрежительно приподнял один из листков бумаги, во множестве лежащих на столе, и сунул его в руки собеседнику, – Читай, поляк. Отчет эксперта.

«Поляк», усилием воли удержавшись от раздраженного вздоха, демонстративно вежливо принял отчет и впился в него глазами. Затем, не отрываясь, нащупал оставленный стул и медленно опустился на него.

– Значит, удар сбоку точно в сонную артерию… – Франц взял со своего стола ручку и принялся постукивать ею по подбородку, – Так-так. Острый предмет, предположительно нож… диаметр входного отверстия… – он поморщился и, бросив листок на стол, покачал головой, – Это не нож.

Рейнвальд довольно ухмыльнулся, одобрительно кивая и затягиваясь.

– Тоже заметил? Да, диаметр не соответствует стандартной ширине лезвия. Да и более плоское оно у ножа… Это может быть, конечно, какой-нибудь стилет или нож по специальному заказу, но в это верится с трудом. Тут скорее… хм… – он придвинул листок к себе и, разглядывая его, сбросил пепел в пепельницу, – Что-то вроде широкой отвертки, или, может быть…

– Заточки, – резко перебил его Варжик и, почти восхищенный своей догадкой, немного приосанился. Сыщик еще раз кивнул.

– Да, я тоже так подумал. Похоже на заточку, мне такие раны приходилось видеть у осужденных после конфликта с сокамерниками, – и, не дожидаясь расспросов комиссара, внезапно очаровательно улыбнулся, едва не выронив изо рта сигарету, – Ну что ж, сынок. А теперь скажи-ка мне, кто из местных жителей сидел?

Франц, как раз размышляющий на эту тему, нахмурился и недовольно мотнул головой. Чувствовать себя подчиненным человека, который его начальником не мог бы быть ни при каких обстоятельствах, было неприятно.

– Этого я не знаю, – резковато отозвался он и хотел, было, прибавить еще что-то… но внезапно расплылся в довольной улыбке, озаренный какой-то идеей, – Зато я знаю, кто здесь делает ножи. И по специальному заказу тоже…

***

Синьор Романо Гарацци был одним из «старожилов» молодого городка – старый итальянец поселился здесь едва ли не в год его основания, обосновался, и, по-видимому, покидать свое жилище не планировал. Дом его стоял несколько на отшибе, что, с одной стороны, казалось странным, но с другой сполна объяснялось профессией оружейника – его дело порой порождало неприятный шум, и пожилой мужчина стремился защитить соседей от него.

Итальянца в городе любили. Еще не дряхлый, довольно крепкий, сухой и жилистый старик обыкновенно бывал приветлив и улыбчив, никому, казалось не желал, да и не делал, зла, а уж оружие мастерил просто восхитительное!

– У нас многие к нему часто обращаются, – рассказывал Франц навязавшемуся ему в напарники Рейнвальду по пути к дому синьора Романо, – Конечно, не всегда чтобы получить какое-то красивое оружие, это здесь не в ходу, но он и кухонные ножи делает такие, что просто загляденье. Если нож затупился – заточит его, если сломался – починит. Отзывчивый дядька, в общем. Странно подозревать такого.

– Не могу понять – ты сам дилетант, или меня за дилетанта держишь? – Курт покачал головой и сунул руки в карманы, – Я его пока ни в чем не подозреваю, я его даже в глаза не видел. Сажать сразу тоже не буду, не волнуйся, поляк. Так, пару вопросов задать хочу, может, осмотреть его мастерскую… Если ты говоришь, что заточить нож он способен, а мы дело имеем с заточкой – есть все основания подозревать его в проведении и такой работы. Может быть, ему навешали лапши на уши! – видя, что спутник жаждет возразить, сыщик повысил голос, – Может, он сам не знал, зачем делает это! Но выяснить все досконально стоит – если появилась хоть какая-то, хоть тоненькая ниточка, надо хвататься за нее обеими руками и крепко держать. Быть может, в будущем она превратится в толстенный канат… Здесь?

Варжик, не отвечая, затормозил у крепкого, почти нового бревенчатого дома и, дернув ручник, резко кивнул. Нотации Курта Рейнвальда ему категорически не нравились, сам сыщик кроме раздражения ничего так и не вызывал, и искать убийцу с ним на пару было очень неприятно.

Тем более, что Франц доподлинно знал, *кто* убийца и гадал лишь, как убедить Феникса прекратить свое бесчинство. Он иногда обещал, что скоро закончит, но потом обнаруживался еще один труп и становилось ясно, что конец еще далек.

Пожалуй, единственное, что толкало Франца Варжика упорно и ответственно вести расследование, было желание узнать, кто скрывается за темным стеклом мотоциклетного шлема. Кто Феникс? Ясно, что это кто-то из жителей города, но кто, кто?.. И что, если сейчас они пришли именно к нему в дом…

Комиссар поморщился и чуть мотнул головой. Что за глупости, в самом-то деле! Романо Гарацци, конечно, еще достаточно крепок, его и в старики-то особенно не запишешь, но Феникс определенно много моложе его. Да к тому же и говорит оружейник с заметным итальянским акцентом, который так и не сумел изжить за годы жизни здесь. А речь Феникса чиста.

Заметив, что напарник замялся, Курт с любопытством вгляделся в него и, перебросив косичку через плечо, опять отбросил ее назад.

– Боишься увидеть реки крови и горы трупов, сынок?

Франц вспыхнул.

– Холера ясна! – рыкнул он, – Я не трушу, черт бы вас побрал, просто задумался, как правильнее построить разговор! Хватит вам уже подкалывать меня, я не мальчик, в конце концов!

– Ну, ведь и не девочка, насколько я вижу, – невозмутимо отозвался Рейнвальд и, повернувшись спиной к собеседнику, поправил ворот красной рубахи, – Не волнуйся, поляк. Говорить буду я, тебе останется лишь поддакивать и кивать.

Возмущенный Варжик только и успел, что открыть рот – сыщик, не дожидаясь выражений его негодования, уже уверенно шагал к обители оружейника. Комиссару ничего не оставалось, кроме как последовать за ним – в конечном итоге, правосудие в этом городе должно было вершиться с его ведома и под его присмотром, тем более, что в справедливости подозрений и возможных действий Курта Рейнвальда уверен он не был.

– Кстати говоря, ты, как я заметил, не ознакомился со всеми подробностями дела, – продолжал, между тем, сыщик, хладнокровно шагая к дверям дома, – Наш убийца немного изменил своим привычкам – эту жертву он, судя по всему, ограбил. Нам это дает хорошие шансы на победу – стоит найти украденные вещи, и убийца, можно считать, в кармане.

Франц, которого известие об ограблении жертвы поставило в некоторый тупик, недоверчиво сдвинул брови. На его взгляд, суждение собеседника отдавало неоправданной легкостью.

– Вещи он мог продать. Если мы найдем человека, ими владеющего – далеко не факт, что это и будет убийца.

– Но по следу вещей легче будет выйти и на след того, кто их украл, – невозмутимо отозвался Рейнвальд и, остановившись у домика оружейника, уверенно постучал в дверь.

На сей раз комиссар предпочел не отвечать по собственной воле – оспаривать глупую уверенность новоявленного коллеги ему казалось делом довольно напрасным. В конечном итоге, Курт, судя по всему, был человеком, во-первых, упертым, а во-вторых – самовлюбленным, что гарантировало напрасность попыток достучаться до его здравого смысла. Да и был ли у него здравый смысл вообще, или же его давно задавило самолюбие, сказать было трудно.

За дверью послышались шаги и Франц предпочел сосредоточиться на новом собеседнике, прикидывая, как будет происходить диалог.

– Чем могу, синьор?.. – жилистый, крепкий пожилой мужчина, распахнувший дверь, с видимым изумлением уставился на незнакомца в красной рубахе, военных штанах, да еще и

с дурацкой косичкой на затылке, затем перевел взгляд на его спутника и расплылся в приветливой улыбке, – А, команданте! Заходите, заходите, а это?..

– А это мой коллега – Курт Рейнвальд, сыщик, – Варжик, чувствуя некоторую гордость, вежливо подвинул насупившегося спутника, сам первым входя в дверь, – Помогает мне с расследованием.

Сыщик, по-видимому, не слишком-то польщенный такой характеристикой, хотел, было, что-то сказать, но синьор Романо предпочел прореагировать сам.

– О, Курт Рейнвальд! Наслышан, наслышан, синьор, – продолжая цвести улыбкой, он чуть склонил голову, протягивая руку для пожатия, – О вас говорят, как о лучшем сыщике всех времен, но и как о самом безжалостном, – старый оружейник подмигнул, сопровождая гостей в дом, – Что же вас ко мне привело?

Самый лучший и самый безжалостный сыщик негромко хмыкнул и, быстро пожав протянутую руку, оценив крепость хватки, приподнял один уголок губ.

– Убийство нас привело к вам, синьор Гарацци, убийство. Этой ночью погиб человек.

Старик тяжело вздохнул и покачал головой, выпуская руку собеседника.

– Это ужасно, caro mio[1]*, совершенно ужасно. Но причем здесь я?

Франц, предпочитая все-таки вмешаться, не давая Рейнвальду разойтись и начать запугивать хорошего человека, решительно шагнул вперед.

– У нас возникли некоторые затруднения с определением орудия убийства…

– Ничего подобного! – Курт Рейнвальд гневно нахмурился, посылая напарнику предупреждающий взгляд, – В том, что убийство было совершено, скорее всего, заточкой, либо ножом, сделанным по специальному дизайну, я убежден. Именно поэтому и хотел бы как можно подробнее изучить вашу мастерскую, синьор Гарацци, дабы убедиться, что подобных предметов у вас нет… или же, напротив, удостовериться, что они у вас есть.

Романо Гарацци, несколько запутавшийся в обилии сведений, нахмурился и тряхнул головой.

– Но, caro mio, я делаю ножи на заказ всему городу… Команданте не даст солгать – он знает меня с тех самых, как я прибыл! Или, что же, вы думаете, что старый Романо мог кого-то убить?

Франц, абсолютно недовольный таким поворотом беседы, мимолетно нахмурился в сторону сыщика и торопливо замахал перед собой руками.

– Да что вы, что вы, синьор, и в мыслях…

– А вот у меня было! – с нажимом перебил Рейнвальд и, еще больше мрачнея, резко шагнул вперед, ближе к подозреваемому, – Не вмешивайся в мою работу, поляк! Ты мешаешь следствию, – и, удовлетворившись откровенной растерянностью опешившего Варжика, мужчина продолжил, – Итак, убийство было совершенно сегодня между тремя и четырьмя часами ночи. Где вы находились в это время?

Оружейник недоуменно пожал плечами.

– Здесь, синьор, я спал…

– Вы живете здесь же, в непосредственной близости от своей мастерской? – Курт прищурился, изучая подозреваемого, как кот топающую к мышеловке мышь. Старый итальянец растерянно кивнул.

– Да, синьор, я так живу уже много лет. Жил так же еще до переезда сюда, еще в Сан-Ремо предпочитал близость мастерской – мне так удобнее. Понимаете, иногда бывает, что за работой я засиживаюсь до позднего часа, так сподручнее сразу же и лечь, а не…

– Значит, до позднего часа, – сыщик неприятно улыбнулся, согласно опуская подбородок, – Варжик!

---

[1] * «Дорогой мой» (ит.) (примеч. автора)

Франц вздрогнул и, чувствуя себя солдатом на плацу перед строгим командиром, вытянулся по струнке.

– Запомни-ка это, а лучше – запиши. Итак, синьор Романо Гаращци, вы часто засиживаетесь до позднего часа, работая над ножами… Любопытно. Вчера вы тоже засиделись?

– Совсем немного, я… – сообразив, к чему клонит собеседник, старик нахмурился, – Погодите-погодите, синьор… Я не сидел до того часа, о котором вы сказали, лег много раньше!

– Кто-нибудь это может подтвердить?

Комиссар негромко вздохнул и, достав из нагрудного кармашка блокнотик, без особенного желания записал, что у подозреваемого отсутствует алиби. А как могло быть иначе? Старый Романо живет один, ни жены, ни детей из Италии сюда не привез, так что доказать его присутствие или отсутствие дома вряд ли кто может.

– Боюсь, что нет, синьор, живу один…

– Отлично, – глаза Рейнвальда дьявольски сверкнули; он перекинул косичку вперед, затем вновь откинул ее назад, – Значит, алиби нет. Хорошо. Ножи вы, как я понимаю, делаете любой конструкции – от простых до сложных?

Растерянный старик, и в самом деле ощущающий, что его загоняют в угол, развел руки в стороны.

– Я уж много лет их делаю, синьор, научился. Ma mio Dio![2]* Как вы можете думать, что я убил человека???

Сыщик тонко, язвительно улыбнулся и, добыв из кармана пачку сигарет, вытащил одну зубами. Затем нарочито неспешно достал из другого кармана зажигалку, прикурил и, убрав и то, и другое, затянулся, выпуская дым в сторону подозреваемого. Франц мимолетно поморщился – столь откровенное хамство ему было неприятно.

– Я еще ни слова не сказал о том, что думаю, – хладнокровно начал Курт Рейнвальд, созерцая растерянного подозреваемого сквозь облако дыма, – Или, может быть, вы сами себя подозреваете в этом, синьор? Позвольте узнать – почему же вы так не доверяете сами себе?

Романо Гаращци замотал головой, разгоняя рукой дым и кашляя. Соображать, когда ему в лицо беззастенчиво курили, да к тому же еще несли какую-то чушь, старику было затруднительно.

– Да я не… Да что вы говорите, синьор! – наконец, нашелся он, – Да не убивал я никого, mamma mia! Я не способен совершить такое – отнять молодую жизнь…

По лицу Рейнвальда разлилось выражение бесконечной безмятежности.

– Тогда откуда же вы знаете, что убитый был молод? – промурлыкал он и, еще раз затянувшись, прищелкнул языком, – Нехорошо, синьор Романо, вы допускаете грубые промашки. Дам вам пару минут, чтобы придумать достойное оправдание. Эй, поляк, – он вновь перевел взгляд на своего растерянного спутника, – Последи за ним. Я пока осмотрюсь.

Франц обалдело кивнул, переводя недоверчивый взгляд со старого оружейника на лучшего сыщика, и начиная с неприятным чувством убеждаться, что звание свое последний заслужил не за красивые глаза, и даже не за дурацкую прическу. Но, черт возьми, Романо Гаращци?! Да этот старикан и мухи не обидит, он же добрейшей души… По крайней мере, раньше казалось именно так.

Курт неспешно удалился в клубах дыма, оставляя комиссара и подозреваемого наедине. Гарации, проводив его растерянным взглядом, повернулся к старому знакомому.

– Команданте, caro mio! Это какое-то безумие, не убивал я никого! Я знал, да, что убит молодой человек, но это совсем не та причина, о которой думает твой спутник! – от волнения старик стал несколько косноязычен; щеки его слегка порозовели. Варжик тяжело вздохнул

[2] * «Но, Боже мой!» (ит.) (примеч. автора)

и, разрываясь между служебным долгом и сочувствием старому знакомому, мягко, но решительно усадил того на ближайший стул.

– Не волнуйтесь, синьор Романо, – парень попытался улыбнуться как можно более располагающе и приветливо, – Клянусь, я вас ни в чем не подозреваю. Вы мне скажите только, что за причина, о которой вы упомянули? Откуда вы знали, что убитый был молодым человеком?

Он сказал – и тотчас же с неприятным чувством понял, что сам до сей поры понятия не имел, какова была жертва по возрасту. Чертов Рейнвальд, мог бы и рассказать чуть больше о подробностях дела, в конце концов, всю дорогу вместе ехали!

Гаращци поник и, тяжело вздохнув, сцепил в замок дрожащие руки.

– Тебе эта причина не понравится, команданте… – он покачал головой и, видимо, предпочитая действия словам, неожиданно нагнулся, доставая что-то из-под стола, рядом с которым был усажен. Франц нахмурился… затем изумленно вскинул брови. В руке итальянец сжимал початую бутылку крепкой настойки, открытую, похоже, совсем недавно.

– А я… – комиссар кашлянул, – Я думал, вы не пьете.

– Все так думают, caro mio… – оружейник сокрушенно вздохнул, робко задвигая бутылку обратно, – Я балуюсь иногда, но втайне ото всех, покупаю, когда время уже за полночь… Вот и вчера пошел за бутылочкой, и услышал крик – голос молодой был. Я так и подумал, что, должно быть, опять какого-то бедолагу наш местный маньяк настиг, и заспешил домой.

– А помочь… – Варжик зажмурился, затем вновь уставился на собеседника с нескрываемым недоверием. Крепкий же еще мужик, вполне мог бы помочь несчастному, может, хоть «Скорую» бы вызвал…

– Да ты что, сынок, какой из меня помощник? – старик демонстративно сгорбился и закашлялся, – Я уж немощен, еле инструменты в руках держу… Жаль, конечно, человека, но уж своя жизнь-то она подороже будет, как бы жестоко не звучало.

Что ответить, Франц не нашелся. Ему, комиссару полиции, ставить свою жизнь превыше жизни другого человека никогда даже в голову не приходило, он всегда готов был рискнуть собой, лишь бы спасти другого и наивно полагал, что другие люди думают так же. Теперь вот выяснялось, что все совсем иначе, и другие люди, даже самые лучшие из них, предпочтут спасти остатки своей жизни, удерут домой, прижимая к груди заветную бутылку, вместо того, чтобы оказать посильную помощь.

– Франц, – голос Курта Рейнвальда, разорвавший туман растерянных мыслей молодого человека, заставил его вздрогнуть, – Поди-ка сюда. А вы сидите, синьор, сидите, – сыщик усмехнулся и погрозил подозреваемому пальцем, – И чтобы ни шагу отсюда. Проходи, сынок.

Он отступил, пропуская Франца в небольшое помещение – ту самую мастерскую, где Романо Гаращци мастерил свое удивительное оружие и, бросив еще один внимательный взгляд на старика, чуть прикрыл дверь, подталкивая спутника вперед.

– Сюда взгляни, – он подвел его к верстаку, заваленному самым разным, полезным в хозяйстве оружейника, хламом и, протянув руку, указал на что-то в самом дальнем и темном углу его. Комиссар, хмурясь, вгляделся, потом шагнул ближе и наклонился… и тотчас же отпрянул, недоверчиво переводя взгляд с предмета на коллегу.

На верстаке, по-глупому прикрытый газеткой, лежал остро заточенный круглый напильник, наполовину испачканный в запекшейся крови.

***

– Заточка… – Франц сглотнул и, закашлявшись, сипло прошептал, – Это не доказательство. Ему могли подбросить, могли… Вы вообще не имели права на обыск без санкции прокурора!

– Ты, я смотрю, готов даже убийцу защитить, если он тебе симпатичен, а, поляк? – Курт усмехнулся и неодобрительно покачал головой, – Я слышал, о чем ты говорил со стариком.

Может быть, его слабость станет для него неплохим алиби… а может быть, и нет. Гаранцци! – фамилию несчастного оружейника сыщик гаркнул так, что комиссару почудилось, будто с потолка посыпалась пыль. Из комнаты донесся грохот – итальянец, вскочив, опрокинул стул.

Спустя несколько секунд он уже стоял в дверях, прижимая руку к сердцу и тяжело дыша.

– Caro mio, нельзя же так кричать! Мое сердце уже не позволяет выдерживать такое… что-то вы хотели?

– Подойдите, – Рейнвальд поманил его рукой и, картинно указав на заточку, изучаемую с расстояния Варжиком, очень вежливо осведомился, – Вам знаком этот предмет?

– Dio mi salvi![3]* – перепугался старик и, неуверенно шатнувшись вперед, пролепетал, – Там… к-кровь?..

– Кровь, – безжалостно уточнил сыщик, и тотчас же сам себя поправил, – Впрочем, без экспертизы трудно утверждать, что это именно кровь, а не краска, и что кровь принадлежит именно убитому ночью парню. Кстати, вы знаете, что ваши ночные действия вполне можно расценить как неоказание помощи и привлечь вас по статье? Нет? – он вздохнул с, казалось бы, разочарованием, – Жаль. Теперь будете знать. Откуда в вашей мастерской может быть этот предмет?

– Да я, синьор… я ума не приложу… – Романо Гаранцци содрогнулся всем телом и, отступив, отвернулся от опасного оружия, – Мне дурно при виде крови, простите. Это… напильник, ведь да?

– Заточенный круглый напильник, – уточнил Франц, сверля взглядом спину старика. Вот так-так, и этот крови боится! Опять прав был Рейнвальд – тут полгорода боится крови, и все-таки кто-то всех людей поубивал. Что за чертовщина… Нет, вечером определенно нужно допросить с пристрастием Феникса, пусть хоть объяснит, зачем ограбил несчастного парня!

– Заточка, как говорят в криминальной среде, – подхватил, тем временем, Курт, – Вы утверждаете, что предмет этот вам не знаком. Хорошо. Подумайте – кто мог бы вам подкинуть его так, чтобы вы не заметили?

– Бога ради, синьор, я никого не пускаю в мастерскую! – старик прижал руки к груди и затряс головой, – Если ко мне приходят заказ делать, или забрать работу – так я всегда снаружи говорю, никогда внутрь не провожу…

Варжик, видя, что несчастный итальянец того и гляди оговорит сам себя, тяжело вздохнул.

– И все-таки подумайте, синьор Романо – может быть, случилось так, что к вам кто-то пришел, а вам довелось отлучиться? Если человек оставался какое-то время один в комнате, все могло произойти…

Гаранцци задумался, морща лоб и кусая нижнюю губу, напряженно вспоминая, кто же и когда оставался у него в мастерской один.

– Да вот… – наконец, неуверенно выдал он, – Не далее, как сегодня утром заходил Дамиан, и мне в этот момент позвонили по телефону. Доктор Ардер звонил, неудобно ему отказать было. Я при Дамиане разговаривать не хотел, вышел в спальню… но когда вернулся, он сидел там же, где и сидел! Mio Dio… – старик прижал руку к губам, – Что же я говорю… Вы же на Дамиана подумаете, а этот-то парень и мухи не обидит! Ему бы и мозгов не хватило, чтобы подкинуть что-то…

– А зачем приходил Дамиан? – Курт заинтересованно склонил голову набок, напрочь забывая про тлеющую в пальцах сигарету. В глазах его светился нескрываемый интерес.

– Я ему нож наточил, отдал, – совсем растерялся старый Романо, – Впрочем, знаете, было еще неделю назад – как раз заходил доктор Ардер, я оставил его на минутку, сбегал за

[3] * «Упаси Бог!» (ит.) (примеч. автора)

результатами анализов в спальню! Но доктор Ардер – человек порядочный, он жизни спасает, а не отбирает!

Рейнвальд хитро усмехнулся и удовлетворенно кивнул.

– Очень хорошо. Значит, оба возможных подозреваемых – честнейшие люди, на которых и не подумаешь никогда и ни за что. Прекрасно. В таком случае, остаетесь вы, синьор Гарацци, но вы утверждаете, что не убивали парня, а просто не помогли ему. Кстати, знаете, если бы вы оказались чуть смелее, возможно, могли бы еще и спасти несчастного. Убийца-то ударил, обобрал и удрал, может, еще что-то можно было сделать… – здесь противный сыщик делано вздохнул и внезапно махнул рукой с сигаретой, затем крепко затянувшись, – Нам здесь больше делать нечего, Франц, пошли. Синьор Гарацци, благодарю за сотрудничество… Да не так, Варжик, бери за край рукоятки, там точно отпечатков нет – не смажешь! Молодежь, всему их учить надо, – Курт широко улыбнулся и, легонько хлопнув потрясенного, сраженного, пришибленного старика по плечу, глянул на комиссара, – Забрал? Хорошо, что ты додумался взять пакетик для улик, я не захватил. Ну, до скорого, синьор, – он легко кивнул оружейнику, – Если возникнут вопросы, мы вас вызовем. Поляк, за мной.

– Я вам не собачка, – огрызнулся Франц, только что скрупулезно упаковавший предполагаемое орудие преступления в неудобный пластиковый пакетик, и сунувший его себе за пазуху, – До свидания, синьор Романо. Извините за беспокойство.

Итальянец только покивал в ответ, провожая своих неожиданных посетителей. На душе у него было мрачно.

…На обратном пути Рейнвальд был оживлен и весел, тогда как Франц, напротив, сидел мрачнее тучи. Допрашивать старого оружейника ему не понравилось, никакого удовлетворения от найденной улики он не испытывал, да и вообще чувствовал себя препаршиво. Вокруг него, казалось, запутывался с каждым мигом все больше и больше клубок, в котором он никак не мог разобраться, а назойливый сыщик только мешал спокойно обдумать все.

– Это не Романо, – Франц подал голос, когда они уже почти подъехали к участку, – И, тем более, не Дамиан. Доктор Ардер вообще не подходит – он в доме был задолго до того, как произошло убийство. Получается, что, не взирая на орудие убийства, мы пришли к тому же, с чего начали – в подозреваемых практически весь город.

– Кроме Романо и Дамиана, – в тон ему отозвался спутник и, ухмыльнувшись, расслабленно откинулся на спинку сидения, вытаскивая из кармана пачку сигарет, – Не делай выводов раньше времени, сынок. Сначала пусть проведут экспертизу и снимут отпечатки.

Варжик без особой симпатии покосился на тянущегося за зажигалкой мужчину, и нахмурился.

– В моей машине не курить! – он резко затормозил, не доехав несколько метров до участка, – Выходите, и курите на улице! А насчет отпечатков – вы думаете, они будут? Думаете, убийца такой идиот, что, подбросив оружие Гарацци, не стер бы отпечатков пальцев?

– Я думаю, что он вообще их не оставил, – хладнокровно отозвался Рейнвальд и, к удивлению Франца, без пререканий распахнул дверцу автомобиля. Помедлил мгновение и, закурив, оглянулся через плечо.

– Последний вопрос, сынок. Этот доктор Ардер, он кто по специальности? Терапевт или, может быть, дантист?

– Ни то, ни другое, – Варжик демонстративно помахал рукой, разгоняя дым, – Здесь врачей мало, Ардер – специалист широкого профиля. Кардиолог, терапевт, травматолог, лор, хирург… Мне кажется, он даже неврологией занимается, но для этого, слава Богу, отдельный специалист есть, а то дока даже жаль – на него все шишки буквально.

– Я просил тебя в беседе со мной не употреблять сленговых выражений, – Курт поморщился и, покинув, наконец, машину, кивнул, – Жду тебя в участке, сынок. Ставь машину и неси заточку на экспертизу.

***

Франц выглянул за дверь в четвертый раз и, тяжело вздохнув, вернулся на диван, раздраженно барабаня по подлокотнику пальцами. Где этот чертов Феникс… Всегда же в это время заявлялся, не каждый день, правда, но все-таки вполне регулярно! А вот сегодня, когда ему, комиссару, позарез необходимо поговорить с мотоциклистом, его нет! И даже не позвонишь ведь, чтобы попросить зайти…

Молодой человек снова вздохнул. Вот вроде бы с Фениксом они друзья, по крайней мере, поддерживают очень хорошие отношения… а он до сих пор ничего о нем не знает, включая настоящее имя и внешность. Ну и что это за дружба такая в одни ворота?

Он поднялся на ноги и, подойдя к двери, выглянул в пятый раз. Потом помедлил и, накинув легкую куртку, направился к сараю – стоило проверить, на месте ли мотоцикл. Если Феникс куда-то уехал, ждать его, конечно, смысла не имеет.

Мотоцикл был на месте. Варжик зашел в сарай, постоял возле железного коня, потрогал руль. Эх, сейчас сесть бы самому, да и уехать куда-нибудь далеко-далеко…

– Если ты будешь так часто выглядывать за дверь, это кто-нибудь заметит, – знакомый приглушенный голос за спиной заставил его вздрогнуть и резко обернуться. Феникс стоял, скрестив руки на груди, как обычно затянутый с ног до головы в кожу, и в мотоциклетном шлеме, скрывающем лицо.

– Я ждал тебя раньше, – Франц чуть поморщился и, хладнокровно обойдя собеседника, махнул рукой, – Пошли в дом. В сарае неудобно говорить.

– Не я первым пришел сюда, – заметил собеседник, однако, в дом за комиссаром проследовал без излишних возражений и, зайдя, тотчас же устроился в своем любимом кресле. Франц сел напротив, на подлокотник дивана и, сцепив пальцы в замок, уложил их на колено, сверля взглядом темное стекло шлема.

На Феникса это впечатления, по-видимому, не произвело.

– Если ты рассчитываешь, что от твоего взгляда треснет стекло, то вынужден разочаровать тебя – шлем бронированный, – хладнокровно произнес он и, не задерживаясь на мимолетной шутке, серьезно спросил, – Зачем ты хотел видеть меня?

– Зачем ты убил и ограбил того парня? – Франц сжал губы, продолжая пристально смотреть на собеседника. Шлем чуть склонился набок.

– Какого парня?

– Не прикидывайся! – Варжик в сердцах топнул и, вскочив с дивана, прошелся по комнате, – Сегодня утром был убит молодой парень, убит и ограблен, и я прекрасно знаю, что это твоих рук дело! Холера, никак не пойму, что мне мешает арестовать тебя…

Феникс расслабленно закинул ногу на ногу.

– Во-первых, чувство благодарности за свою спасенную жизнь, – принялся методично перечислять он, – Во-вторых, отсутствие хоть каких-нибудь улик против меня. Мои слова – ничто, я в любой миг могу взять их обратно. Ну, и в-третьих, ты же не думаешь, что я просто буду сидеть и ждать, пока ты меня арестуешь? – заметив, что комиссар собирается возразить, мотоциклист вскинул руку в останавливающем жесте, – И в-четвертых, Франц! Никакого парня этим утром я не убивал.

Франц устало вздохнул и опустился на диван, взирая на собеседника почти умоляюще. Что за игру он сейчас ведет, парень не понимал, но быть в нее впутанным не хотел.

– Ну, мне-то ты можешь не врать, – он покачал головой, – Я же знаю, что за всеми убийствами этого города стоишь…

– Не за всеми, – перебил его собеседник, – Этого парня я не убивал. И еще одна жертва была, к которой я не имел отношения.

Варжик невесело усмехнулся.

– Шесть убийств и к двум из них ты не имеешь отношения, – констатировал он и, вновь покачав головой, осведомился, – Ты себе ставишь это в заслуги? Считаешь, за это тебе срок скостят?

– Причины, по которым я их убиваю, тебя не касаются! – Феникс, внезапно вспылив, вскочил на ноги, – Они заслужили, заслужили это! Не тебе судить меня, Варжик, не тебе осуждать… – он умолк и сел обратно, – Я не убивал этого парня. Ясно? В конце концов, ты и сам мог бы понять это – когда бы я грабил жертв?

Франц откинулся на спинку дивана, скрещивая руки на груди.

– Прекрасно. То есть, ты хочешь сказать, что в этом несчастном городишке не один, а целых два маньяка? Один убивает по какой-то невнятной причине, а второй – просто так, из любви к искусству? И что ты мне прикажешь с этим делать?

Феникс помолчал, обдумывая варианты, прикидывая, как лучше ответить на такой прямой вопрос. Потом махнул рукой.

– Я постараюсь узнать что-нибудь об этом убийце. Но, знаешь, Франц, должен тебе заметить, что человек этот явно пытается прикрываться мной. Убивает, полагая, что в свете других происшествий его делишек никто не заметит… Кстати, а что Рейнвальд думает об этом?

Варжик помрачнел – упоминание сыщика напомнило ему еще об одном деле, о вопросе, который хотелось задать мотоциклисту.

– Рейнвальд думает, каким образом неуловимый Феникс проник к нему в номер, чтобы подбросить осколок зеркала.

Ответом ему был негромкий, нескрываемо самодовольный смешок.

– Рад, что он нашел мою маленькую открытку. Тебя тоже интересует, как я попал к нему в номер?

Франц задумался. На самом деле, это его интересовало не так уж и сильно, куда больше занимали другие вопросы, поэтому углубляться в подробности свершенного преступления ему не хотелось.

– Не особенно. Но зачем ты вообще подбросил ему это зеркало? Зачем раскрыл себя, дал понять, с *кем* он имеет дело? Что это – бравада, излишняя самоуверенность? Зачем тебе это, Феникс?

Феникс помолчал, словно обдумывая ответ, не шевелясь и никак не давая понять, что о чем-то размышляет.

– Не сейчас, – наконец негромко ответил он, – Потом, Франц, потом… Когда-нибудь скажу тебе. Пока что знай одно – с Куртом Рейнвальдом я сталкиваюсь не в первый раз, и… у меня с ним личные счеты. Пусть знает.

Комиссар развел руки в стороны.

– Ну, пусть так пусть, сделанного назад уже не отыграть. Значит, ты поможешь нам схватить этого подонка, что убил парня?

– Не «вам», – мягко уточнил Феникс, – А тебе. Рейнвальду я помогать не желаю. Да, к слову, ты не ответил – он подозревает кого-то?

– Ты не спрашивал, – парировал молодой человек, – Его подозрения… я их не понимаю. Сначала мне казалось, что он подозревает Дамиана, потом – Романо Гарацци, теперь вот, кажется, переключился на доктора Ардера… Черт его знает, что у него в башке крутится. Как бы там ни было, а я уверен, что он идет по ложному следу. Особенно, если полагает, что один из них – ты.

Шлем вновь склонился набок.

– Уверен? Ты же не знаешь, *кто* я.

Франц фыркнул.

– Ну, уж точно не Гарацци! Да и Ардер с Дамианом не подходят однозначно – я знаю их, и знаю тебя! Но, знаешь, что, Феникс… – он внезапно посерьезнел и, подавшись вперед,

облокотился на колени, всматриваясь в стекло шлема, – Когда-нибудь я тебя разгадаю. Обязательно разгадаю, и это будет… еще до того, как я увижу твое лицо.

***

На следующее утро Курта Рейнвальда ждала малоприятная встреча. Он спустился в холл отеля, намереваясь покинуть его и направиться в участок, как вдруг, неожиданно для себя, почти налетел на Дамиана, отирающегося возле стойки.

– Человек с крысиным хвостиком! – дурак расплылся в счастливой улыбке, – А я тут вспоминал вас. Вы уже схватили того, кто тут всех убивает?

– Пока нет, – сыщик вымученно улыбнулся и попытался перевести тему, – Что ты здесь делаешь? Мне казалось, по утрам ты разгружаешь фургоны у Штеффи.

Молодой человек активно замотал головой, потом принялся привычно елозить ладонью по своей голове.

– Нет-нет-нет, у меня теперь по-другому! К Штеффи стали товары вечером привозить, а я тут устроился сторожем на ночь! Быстренько помогу – и сюда! – он гордо выпятил грудь, – Теперь я как вы буду, буду стеречь и защищать от плохих людей!

– Я не стерегу, – мрачновато отозвался Рейнвальд и, перекинув косичку через плечо, тотчас же отбросил ее назад, – Я ловлю преступников уже после того, как они совершили преступление.

Дамиан склонил голову набок, с интересом созерцая его, пытаясь осмыслить сказанное в полной мере. Потом многозначительно протянул:

– Ааа… А вы найдете того, кто Айрена убил? Он хороший был, мне его жалко. Он всегда мне помогал разгружать у Штеффи товары.

Курт напружинился, как охотничья собака и разве что стойку не сделал, всматриваясь в местного блаженного с огромным вниманием. О том, что убитого вчера парня звали Айрен, он еще помнил, но вот о том, что и он был связан с очаровашкой Штеффи, не знал.

– Значит, он тоже работал у Штеффи… – мужчина задумчиво кивнул и, склонив голову набок, как бы между прочим поинтересовался, – А в каких он с ней отношениях был, ты знаешь? Не ссорились они, не ругались?

Дурачок закусил мякоть большого пальца, вновь принимаясь возить другой рукой по волосам, и напряженно размышляя над заданным вопросом. Навскидку ответить ему, видимо, было затруднительно.

– Да нет… – наконец, неуверенно промямлил он, – Штеффи ему глазки строила, а он от нее нос воротил, говорил, у него уже девушка и без нее есть. Штеффи как-то даже плакала из-за него, я утешал ее! Айрен красивый был, его девушки всегда любили, а он какую-то свою сильно обожал… – он вздохнул и пожал плечами, – Это вам Сирену спросить надо, она у нас все-все про всех знает, вам расскажет тоже! – и, внезапно вспомнив первоначальный вопрос, вернулся к нему, – Но Штеффи никогда на него не ругалась, и он на нее тоже – он помогал, а она ему платила за это, они дружны были всегда! Мне Айрена жалко, он хороший был, не то что Линда… – здесь Дамиан недовольно надул губы и почесал шею, – Вот ее правильно, что убили, она плохая была, вечно меня обзывала, толкала! Я рад, что ее убили, а вот Айрена мне жаль, он не заслуживал!

– Подожди-подожди, – Курт заинтересованно прищурился, – Это что еще за Линда такая, которую убили? Когда?

Дурак растерянно почесал макушку и, опустив взгляд на другую руку, принялся поочередно загибать пальцы, что-то высчитывая. Соображал он на этот раз долго, сыщик уже успел утомиться и даже хотел, было, сказать, что если не может парень вспомнить, то и не надо, он у кого-нибудь другого узнает, но тут Дамиан, наконец, до чего-то додумался.

– Это на прошлой неделе еще было, ее кто-то в подворотне ножом по шее полоснул, – он поежился, – Я краем глаза видел – кровищи там было, жуть! Но она плохая была, она заслуживала, а вот Айрен – нет. А Сирена говорит, будто они с Линдой как-то связаны были, только я не верю в это. Он хороший, она плохая – как они могли дружить?

Рейнвальд жестом остановил его и нахмурился.

– Слишком много информации, парень, давай-ка по порядку. Кто такая Сирена, про которую ты все упоминаешь?

– Да вы ее видели, – удивился блаженный, – Она недалеко от участка овощами торгует, она болтает много всегда. У нее там люди постоянно толпятся – она все-все про всех-всех знает, ей все рассказывают! Вы ее спросите – она, может, и вам что умное скажет.

Курт перекинул косичку через плечо, помедлил и вновь отбросил ее назад. Затем, забывая о том, что находится в отеле, вытащил пачку сигарет, достал одну зубами и, добыв зажигалку, закурил, размышляя.

– Значит, Сирена, говоришь… Что ж, имя-то у дамочки красивое, посмотрим, сколько ума и наблюдательности. Что ж, спасибо за помощь следствию, парень, – сыщик чуть приподнял уголок губ: на сей раз беседа с местным идиотом ему понравилась, уже потому, что принесла много интересной информации, – А теперь я пойду, поболтаю с этой Сиреной.

– Идите-идите, – Дамиан воодушевленно кивнул, – Вы ей скажите, что это я вам подсказал к ней пойти, она точно все скажет! До свидания, человек с крысиным хвостиком!

Курт сжал зубы и едва не откусил кончик сигареты, но все-таки ограничился лишь крепкой затяжкой. Выпущенный на волю дым медленно поднялся к потолку, рассеиваясь по помещению, и на головы посетителей отеля внезапно обрушился истерический визг пожарной сигнализации. Из белой коробочки наверху брызнула вода, заливая собою все помещение и обдавая Курта Рейнвальда сверху.

Сыщик чертыхнулся и, предпочитая не вдаваться в подробности, избегая объяснений с администрацией, поспешно вышел из отеля на улицу, стряхивая с одежды капли воды. Вот же дурацкая система, и не покуришь там спокойно… Какой только идиот это выдумал!

Он глубоко вздохнул и, старательно отгоняя от себя неприятные впечатления, попытался сосредоточиться на главном. Интересная, однако, картина вырисовывается. Две жертвы, явственно выбивающиеся из общего ряда – у обоих так или иначе повреждено горло, оба убиты где-то в переулках, тогда как остальных находили либо на широких улицах, либо на задворках домов, да еще и связаны друг с другом… Хм. Да, пожалуй, с этой торговкой овощами действительно стоит побеседовать, глядишь, да и выяснится что-то полезное.

Курт попытался затянуться и, обнаружив, что сигарета промокла от воды с потолка, в сердцах бросил ее на землю возле урны. Потом добыл еще одну, прикурил и, затянувшись, решительно направился искать всезнающую торговку овощами.

…Сирена была маленькой, веселой толстушкой с выкрашенными в сиренево-бордовый цвет волосами и широкой улыбкой. Сколько ей лет, не знал никто, и сам Курт Рейнвальд тоже не взялся определить это на взгляд, прекрасно зная, сколь ревностно женщины оберегают тайну своего возраста и как умело они скрывают следы прожитых лет. Впрочем, в данный момент ему это было и неважно, куда больше интересовали другие вопросы, на которые торговка, вполне возможно, могла дать ответ.

Он подошел, делая вид, что приценивается к овощам, разложенным на прилавке, терпеливо дожидаясь, пока разойдутся покупатели, столпившиеся вокруг лотка. И уже после перешел в атаку.

– Доброе утро, – говорил он хорошо поставленным, спокойным голосом, умело производя хорошее впечатление, – Вы, говорят, знаете в этом городе всех?

Сирена окинула долгим взглядом незнакомого рослого мужчину в военных ботинках, военных штанах и красной рубашке, плотно обтягивающей крепкую грудь и, остановив взгляд

на тонкой косичке, которую Курт по привычке перебросил через плечо и тут же отбросил назад, нахмурилась.

– Знаю-то всех, да не каждого, – не слишком приветливо отозвалась она, продолжая разглядывать сыщика, – А про вас мне, похоже, Дамиан говорил, а? Человек с крысиным хвостиком – так он говорил. Вы, кажется, сыщик приезжий?

– Курт Рейнвальд, – мужчина кивнул, всеми силами стараясь все-таки произвести впечатление лучшее, чем то, что, похоже, сложилось у собеседницы, – Ну, что ж, если вы слышали обо мне, должно быть, знаете и зачем я подошел.

Женщина неожиданно рассмеялась. Она вообще, как неожиданно подумал Курт, была довольно смешливой натурой и, видимо, хохотать была готова по любому поводу. Этот ей чем-то показался подходящим.

– Ну, нет, этого я не знаю, – все еще посмеиваясь, наконец, ответила собеседница, – Я же не ясновидящая какая, просто овощами торгую. Так и чего ж вам надо от меня? Может, и меня подозревать начали, а? Дамиан-то говорил, что вы тут всех, кого ни попадя подозревать готовы, один старик Романо чего стоит!

– С Романо Гарацци подозрений я еще не снял, – голос сыщика похолодел на несколько градусов: когда осуждают его методы работы, он не терпел, – И речь сейчас идет не о нем. Что вы можете сказать об Айрене Фарго, убитом вчерашним утром?

Сирена удивленно пожала плечами – она, судя по всему, полагала, что все нужное полиции известно и без ее участия.

– Да что о нем сказать-то? Хороший мальчик был, светлая ему память. Ох, говорила я ему – не связывайся с Линдой, ни к чему хорошему это не приведет! Так нет, глупенький, влюбился же в нее! – женщина сокрушенно покачала головой, – Линда-то, пусть ей земля пухом, стерва была та еще, первостатейная, сразу двум мужикам мозги пудрить умудрялась! С одного деньги тянула, а другого как дешевую рабочую силу использовала – все на бедного парня сваливала! Э, да что теперь говорить, уж обоих на свете нет… – она неожиданно шмыгнула носом и утерла глаза. Видимо, не взирая на браваду, смерти знакомых ее все-таки сильно задели.

Впрочем, Рейнвальд – человек безжалостный и толстокожий, – на слезы торговки особенного внимания не обратил: у него была цель, и к этой цели он шел, не считаясь с чувствами других людей.

– Вы сказали «двум мужикам», – он с интересом склонил голову набок и, перекинув косичку через плечо, откинул ее назад, – Кто же был второй?

Сирена, забывшая от удивления про свои слезы, непонимающе заморгала – она, вероятно, полагала, что об этом должны знать все: и местные, и приезжие.

– Так известно кто – доктор Джеймс Ардер. Ох, и любовь же у него с этой Линдой вышла, шагу без нее ступить не мог! А ведь женат сам, да и жена-то у него женщина хорошая, даром, что больная. Ан нет – влюбился в эту светлой памяти покойную стерву, и просто с ума сошел! А она им пользовалась как денежным мешком, а сама втихомолку рога с Айреном наставляла. Вот так вот бывает, мистер Рейнвальд.

– Герр, – мужчина быстро улыбнулся, пытаясь сделать невольное замечание более мягким. Сирена с интересом прищурилась.

– Вы немец?

– Этнический, – Курт вытащил из кармана пачку сигарет и, добыв, по привычке, одну зубами, закурил, – Но условности предпочитаю соблюдать, уж извините. Так значит, тут у вас любовный треугольник был, ну-ну… И из троицы в живых остался теперь только Ардер. Любопытно.

Женщина вздохнула и немного пригорюнилась.

– Да уж, маньяк всех порешил… Не знаю, чем ему Линда не угодила – красивая ведь девка была, даром, что дрянь редкостная! Да и Айрен парень добрый, никому зла не причинил в жизни…

– Кроме Ардера, – Рейнвальд приподнял один уголок губ, и крепко затянулся, – Доктор-то, полагаю, не жаловал мальчишку, если его любовница ему с ним изменяла.

Сирена фыркнула и замахала руками, не то разгоняя дым, не то показывая глупость таких выводов.

– Да он не знал ничего, что вы! Он Линду обожал до потери пульса, в рот ей глядел, всему верил! Она ему, небось, плела небылицы, а он и уши подставлял для лапши, – она еще раз махнула рукой, – Джеймс доктор хороший, тут не поспоришь, но как мужик он, я считаю, слабый слишком. Не люблю я таких размазней, они только для того и созданы, чтобы им лапшу на уши вешать, да изменять им с кем покрепче. А вы что думаете?

Сыщик, старательно мотающий на ус все, что выливала на него словоохотливая торговка, потер небритый сегодня подбородок и широко улыбнулся.

– Ну, что до мужиков, так это не мне судить, – он перебросил вперед косичку и отбросил ее назад, – А в остальном спасибо, быть может, это мне поможет. Про других жертв вы ничего не знаете?

Женщина пожала плечами – прочие жертвы, как ей казалось, были уже делом прошлого дня, и она почти о них забыла.

– Обычные люди, что тут сказать. Жили как все, здоровались друг с другом, да и с нами со всеми – ничего в них особенного. Не понимаю, зачем их убивать было… разве что и вправду ненормальный орудовал.

Курт отстраненно кивнул, не отвечая и размышляя над мимолетной фразой, оброненной болтушкой. «Здоровались друг с другом» – сказала она. Хм. Значит ли это, что все жертвы Феникса были между собой знакомы?

***

В участке было душно. Франц сидел возле открытого окна, изучая какой-то документ, и в одной руке сжимал карандаш, который задумчиво грыз, а на палец другой не менее задумчиво наматывал прядь светло-каштановых волос. Весь облик его выражал глубокую погруженность в работу, занятость важным делом, и вошедшему Рейнвальду это понравилось. Хм. Неужели парень все-таки на что-то годится? Или он там основы частного сыска изучает?

Мужчина засучил рукава, расстегнул ворот рубашки и, пару раз махнув на себя рукой, подошел, сжимая, как обычно, в зубах сигарету.

– Работаешь, поляк? – голос его звучал весело: утро было плодотворным, и сыщик был доволен, – На улице такая прекрасная погода, а ты сидишь тут, в духоте!

– Я же не могу себе позволить гулять, как вы, – не поднимая головы, отозвался Варжик и очень явно попытался вновь сосредоточиться, – К слову, вы опоздали.

– К слову, – передразнил его нахал, – Я здесь не работаю, чисто помогаю на общественных началах. Так что не делай мне замечаний, сынок. Что-нибудь нарыл?

Франц медленно поднял голову, устремляя на излишне веселого, по его мнению, собеседника заинтересованный взгляд. Ведь не далее, как вчера этот человек делал ему замечания, требовал не употреблять просторечных выражений в речи! А теперь что? «Чисто помогаю», «что-нибудь нарыл» – может, Курта Рейнвальда кто-то подменил? Комиссар еще раз внимательно изучил фигуру сыщика, и с сожалением вздохнул. Нет, нет, к счастью, такой существует в единственном экземпляре. Двух Куртов Рейнвальдов мир бы просто не вынес.

– Нарыл, – медленно проговорил он, останавливаясь на глубоко посаженных глазах собеседника, – Я думаю, что не все шесть жертв – дело рук Феникса.

Мужчина воодушевленно кивнул и, подойдя ближе, уселся верхом на стоящий напротив стола стул, крепко затягиваясь между делом.

– Тоже заметил? Да, двое явно выбиваются из общей картины, я думаю, их убил кто-то другой. Скорее всего, попытался прикрыться присутствием в городе другого убийцы, думал, ему все сойдет с рук… Скажи-ка, сынок, – Рейнвальд сдвинул густые брови, – В этом городе есть частный детектив?

Варжик от неожиданности выронил карандаш, и уставился на собеседника в совершенном недоумении.

– Э… в смысле?.. То есть, да, к-кажется есть, только я что-то не понимаю…

– А тебе понимать и не надо, – Курт широко улыбнулся и, сложив руки на спинке стула, оперся о них подбородком, спрашивая с сигаретой в зубах, – Адрес есть?

Комиссар на секунду завис, лихорадочно вспоминая адрес старого сыщика, затем взял из блока для записок листочек и торопливо нацарапал на нем требуемые координаты.

– Вот, – он протянул листок сыщику и пожал плечами, – Все равно не понимаю, на кой черт он вам упал. Сами же сыщик!

– Вот поэтому и хочу обменяться опытом, – Рейнвальд весело подмигнул и, легко поднявшись на ноги, скомкал листочек в руке, затем засовывая его в карман штанов, – Ищи-ищи Феникса, поляк. Айрена и эту стервочку Линду угрохал другой, и его я тебе скоро принесу на блюдечке. Впрочем… – он неожиданно вновь сел, и почесал подбородок. Франц заметил, что сегодня лучший сыщик не побрился, и мельком удивился этому.

– Впрочем, для тебя у меня тоже найдется задание, – уверенно продолжил Курт Рейнвальд, выдержав сценическую паузу, – Выясни все про Романо Гарацци. Не спорь! – заметив, что Варжик намеревается возразить, мужчина вскинул руку, – Я нюхом чую, что у старика рыльце в пушку, но пока не знаю, что именно он натворил. Конечно, в идеале было бы неплохо командировать тебя в Сан-Ремо… – заметив, как вытянулось лицо парня, Рейнвальд хохотнул, – Не пугайся. От тебя требуется позвонить в тамошнее отделение полиции, и запросить архивы. Все о Романо Гарацци, Франц! Убежден, что у них что-нибудь да найдется… Да, и еще найди мне побольше информации на милашку Штеффи, что-то больно много вокруг нее людей крутится. И Дамиан этот твой, и Айрен покойный… Что еще… – он задумчиво облизал губы, потом махнул рукой и вновь поднялся на ноги, – Ладно, пока хватит. С Сиреной я сегодня поболтал, она особого интереса не представляет, так что на нее внимания можно не обращать. Откуда она вообще взялась такая?

– Из Бразилии, – Франц пожал плечами и, увидев, как округлились глаза у сыщика, мысленно позлорадствовал. Вот так тебе, не все командовать! И удивиться иногда приходится.

– Откуда?? – Курт покрутил головой и, перекинув косичку через плечо, тотчас же откинул ее назад, – Ну и занесло же бабенку… Ладно, поляк, пойду я, не хочу торчать тут у тебя в духоте. А ты не забудь – Италия и Штеффи!

Варжик, хмурясь, вскочил. Если уж Рейнвальд навязался к нему в напарники, то почему все делать должен он, да еще и выполнять его указания? Где, черт возьми, справедливое распределение труда?

– Погодите, а вы?..

– А у меня дела есть, – легко отозвался Курт, уже направляясь к двери и помахал в воздухе рукой, – Делай, что сказал и ищи Феникса, Варжик. А я поищу… другого.

Франц медленно сел и, не удержавшись, скорчил вслед сыщику рожу. «Ищи Феникса!» Нашел служебную собаку, тоже мне! Чего его искать-то – почитай, каждый день видятся… А вот на самого Рейнвальда дополнительную информацию, быть может, и стоило бы найти. Комиссар задумчиво прищурился, сверля взглядом дверь. Да-да… О Рейнвальде точно стоит поискать что-нибудь интересное. И, быть может, не только о нем.

Молодой человек снова поднялся и, подойдя к окну, открыл его шире. Любопытно… не найдется ли где в полицейских архивах упоминание о Фениксе?

…Начать Франц решил с, как ему казалось, меньшего из зол – звонка в Сан-Ремовское отделение полиции. Для начала, правда, пришлось повозиться с поиском номера телефона, но при учете наличия Всемирной паутины, и эта проблема решилась быстро.

На звонок итальянские коллеги ответили сразу, а услышав названное имя и вовсе почти обрадовались.

– А, Романо Гаращци, оружейник! Certo[4]*, коллега, все вышлем по электронной почте. Адрес назовите.

Варжик торопливо продиктовал адрес рабочей электронной почты и, вежливо попрощавшись, повесил трубку. На душе у него было смутно.

Если старого итальянца в полиции вспомнили, значит, в поле ее зрения он попадал. Значит, чутье Курта Рейнвальда не обмануло… Но как, как, почему?? Это же Романо Гаращци, синьор Романо, добрейший человек, он и мухи не обидит!..

По крайней мере, сейчас. Но вот что было с ним раньше, почему он сбежал из Сан-Ремо, по какой причине переехал сюда, скрывая все о своем прошлом – это большой вопрос.

Может быть, конечно, ничего страшного в прошлом Гаращци нет. Может быть, старик по итальянской привычке преувеличил масштабы неприятного события, воспринял его излишне экспрессивно, излишне эмоционально… Но узнать, в чем там дело, все-таки надо.

А заодно было бы неплохо прикинуть, как разузнать побольше о красавице Штеффи, и у кого выяснить всю ее подноготную.

Взгляд комиссара почти машинально скользнул к открытому окну. Что значит – у кого? Глупый вопрос, когда рядом с участком торгует овощами вполне надежный источник информации. Тем более, что с Сиреной Штеффи, как было известно молодому человеку, дружит.

***

Курт постучал в дверь нужного дома и, не дожидаясь ответа, наудачу толкнул ее. Ждать сыщику не хотелось, ожидание он всегда полагал потерей времени, и сейчас готов был едва ли не выбить дверь, если она окажется заперта… но она оказалась открыта.

Неизвестно, ждал ли хозяин домика каких-то гостей, или же просто проявлял беспечность, но факт остается фактом – войти в дом местного детектива для сыщика труда не составило.

Он сделал несколько шагов по прихожей и остановился, прислушиваясь. Где-то далеко, похоже еще на втором этаже, шуршали по полу тапки, слышалось старческое кряхтение, поскрипывание досок – все звуки, сопровождающие шествие пожилого человека.

Быстро сопоставив мысленно известную ему информацию с некоторыми предположениями, Рейнвальд пришел к выводу, что неизвестный старик и есть детектив. Что ж, тем лучше. Будь он молод, проблем могло бы возникнуть значительно больше, а старые люди часто болтливы… Разговорить труда не составит.

– Эй, есть дома кто? – Курт поднял голову, глядя на лестницу, ведущую на второй этаж с такой претензией, будто подозревал ее в укрывательстве преступника и, перебросив косичку вперед, тотчас же отбросил ее назад. Скрип наверху усилился, послышался надсадный старческий кашель и, наконец, дребезжащий простуженный голос отозвался:

– Иду-иду!.. Сейчас… минуточку!

– Жду, – процедил сквозь зубы сыщик и без особенного энтузиазма бросил взгляд на наручные часы. Потом поправил браслет на другой руке и покачал головой. Ах, время, время, он теряет, тратит здесь свое время! И все ради чего? Даже не ради того, чтобы узнать новое, нет

[4] * «Конечно» (ит.) (примеч. автора)

– ему нужно лишь подтверждение собственных подозрений. А потом надлежит побеседовать еще с одним свидетелем, и вот тут уже каждая минута на счету – он же не знает, в котором часу доктор Ардер возвращается домой!

На лестнице показались ноги в старых тапочках, следом за ними появились ветхие штаны, накинутый сверху халат и, наконец, взгляду незваного гостя явился весь хозяин дома.

Это был сухонький, согбенный временем человек, уже давно утративший право зваться частным детективом. Глаза его, правда, все еще оставались живыми, смотрели остро и внимательно, но уже выцвели от времени, и не отражали того ума, каким, должно быть, этот человек мог когда-то похвастаться.

– Чем могу служить, сэр? – высокопарно осведомился он, при помощи перил спускаясь все ниже и ниже, – И как вы попали в мой дом?

– У вас дверь открыта, – Курт предпочел пока не поправлять собеседника, не уточняя правильного обращения к себе, – Воров не боитесь?

– Иии! – старый детектив махнул сухонькой ручкой, – Да чего им взять-то у меня, ворам этим? К тому же, город маленький, все здесь друг друга знают, да и обо мне немало наслышаны. Я, с вашего позволения, молодой человек, старожил этого города – я тут был еще до его основания, еще когда здесь была деревенька… – он закашлялся и, добыв из кармана халата носовой платок, прижал его к губам, – Так чего вы хотите от меня?

Голос старика скрипел, как и пол в его доме, шуршал, как его тапки по полу, и вообще хозяин со своим жилищем составлял превосходный тандем. Рейнвальд при виде этого ощутил себя несколько неуютно.

– Джеймс Ардер, – он решил сразу же взять быка за рога, не желая ходить вокруг да около, – Он был вашим клиентом? Просил проследить за… кем-нибудь?

Старичок неожиданно рассмеялся – словно сухой горох просыпался на шуршащую бумагу, – и махнул рукой, приглашая гостя следовать за собой.

– Пойдем-ка, пойдем-ка, сынок, поговорим на кухне. Мне бы присесть надо, тем более, что о Джеймсе можно долго беседовать… Мое имя Лоуренс, Лоуренс Теткар, с кем я имею честь?

– Курт Рейнвальд, – сыщик сдвинул брови, – Герр Рейнвальд, с вашего позволения. Значит, говорите, «о Джеймсе»… Вы близко знакомы с доктором?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.